

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО «РАДЕТЕЛЬ»**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

24

МОСКВА

2023

Главный редактор: д.и.н., проф. С.В. Алексеев

Редакционная коллегия:

д.и.н. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),
д.и.н. О.А. Плотникова,
к.и.н., доц. Г.А. Елисеев,
к.и.н. О.И. Елисеева,
к.и.н., доц. А.А. Инков (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ А.А. Королев (председатель),
д.и.н., проф. С.В. Алексеев,
д.и.н. А.П. Богданов,
д.и.н., проф. Ю.А. Васильев,
д.и.н., проф. Д.Д. Пеньковский,
д.и.н. А.Б. Ручкин
д.и.н., проф. Г.В. Талина,

Историческое обозрение. Вып. 24. М.: НП «Историко-просветительское общество “Радетель”»; Изд-во НИБ, 2023. — 62 с.

Двадцать четвертый выпуск ежегодного альманаха «Историческое обозрение» включает статьи, посвященные различным проблемам истории и культуры Руси и России, публикации исторических источников. В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции «Культурное наследие: религиозно-философский аспект», прошедшей в апреле 2022 г. в Московском государственном институте культуры.

© НП ИПО «Радетель», 2023
© Авторы статей, 2023

Издательство Национального института бизнеса
111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, к. 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аксаньян К.Э. «То сделалось вашим нерадением». Царская армия в боях против Лжедмитрия I. От Рыльска к Кромам.	4
Перхавко В.Б. Первые российские описания достопамятностей белорусских земель (середина XVIII– середина XIX в.).	10
Рысин И.М. К вопросу о реальности встречи благоверного князя Дмитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского в канун Куликовской битвы	19
Белов Н.А. Князь Петр Михайлович Щенятев — воевода Свяжска (1559–1560). К вопросу о служебном статусе Свяжской крепости в третьей четверти XVI века	28
<i>ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ»</i>	38
Володихин Д.М. Познавательная категория «культурное наследие» с точки зрения цивилизационного похода к историческому процессу	40
Алексеев С.В. Греко-византийское и славянское наследие в русской культуре	51
Смолин М.Б. Система мировой эволюции Льва Тихомирова	55
Сведения об авторах и аннотации статей	58
Правила представления рукописей авторами	61

«ТО СДЕЛАЛОСЬ ВАШИМ НЕРАДЕНИЕМ». ЦАРСКАЯ АРМИЯ В БОЯХ ПРОТИВ ЛЖЕДМИТРИЯ I. ОТ РЫЛЬСКА К КРОМАМ

Поход самозванца Лжедмитрия I не раз становился объектом внимания исследователей. Однако, как отмечалось нами ранее, с точки зрения военной истории в изучении конкретных событий похода самозванца немало лакун (Аксаньян, 2020, Аксаньян, 2021). Одним из таких пробелов является осада царскими войсками Рыльска и действия царского войска после битвы при Добрыничах и до начала осады крепости Кромы. Во многих работах, посвященных военной истории Смуты, этому промежутку в полтора месяца уделяется буквально несколько предложений (Разин, 1999: 76; Курбатов, 2014: 40; Волков, 2017: 39, Назаров, 1985: 198). В работах, посвященных непосредственно Смуте и «лицам» Смуты, эпизоду осады Рыльска и последующим действиям тоже уделено немного внимания (Козляков, 2007: 93; Козляков, 2009: 114). Причины этого кроются в том, что и источники об этих событиях сообщают скомканно, стараясь «перескочить» на более «понятные» и «важные» события под Кромами (Тихомиров, 1951: 97–98). Действия царской армии этого периода исследовал в своей классической работе С.Ф. Платонов (Платонов, 1936: 172–173). Он пришел к выводу, что в действиях воевод не было предательства, а неудачи царского войска были связаны с отсутствием воинского таланта у его предводителей, что в условиях партизанских действий сторонников самозванца мешало воспользоваться итогами победы при Добрыничах. Р.Г. Скрынников пришел к выводу о том, что разорение Комарицкой волости состоялось сразу после сражения при Добрыничах, что стало проявлением социальной борьбы феодальной аристократии против восстания крестьян (Скрынников, 1985: 201–205). Проблемы царского войска историк объяснял «бездарностью бояр» и действиями повстанцев. Между тем, действия царской армии в промежуток между 20 января 1605 г., когда состоялась битва при Добрыничах, и 4 марта, когда армия князя Мстиславского прибыла к Кромам, нуждаются в дополнительном рассмотрении. Остается непроясненным ряд вопросов: когда произошло разорение Комарицкой волости, почему воеводы приняли решение снять осаду Рыльска и чем занималось царское войско между осадой Рыльска и осадой Кром.

Итак, после победы под Добрыничами царское войско не сумело пленить самозванца, который смог сбежать в Рыльск. Участник бегства С. Борша вспоминал о тяжелых условиях бегства, замечая, что они с казаками шли до самого Рыльска 18 миль, не кормя лошадей, и, уже придя в Рыльск, отдохнули два дня. А на следующий день после ухода самозванца из Рыльска в Путивль к Рыльску подошли царские войска (Борша, 1872: 389). О трудности пути остатков войск самозванца в Рыльск упоминает и М. Бер (Бер, 1859: 4). Это отставание в два дня царских воевод от самозванца и дальнейшее бегство Лжедмитрия I стало одной из причин обвинения воевод в предательстве или нежелании сражаться. Однако непосредственно причину задержки царского войска источники не упоминают.

На наш взгляд существует несколько причин отставания царского войска от самозванца. Во-первых, как уже ранее нами отмечалось, в ходе битвы при Добрыничах царское войско задержало штурм лагеря самозванца, в котором засели казаки и потерявшие коней поляки, а с наступлением долгой зимней ночи организовать преследование после дневного сражения, в котором царское войско находилось на грани поражения, было тяжело (Аксаньян, 2021: 67–68). Во-вторых, небольшой отряд самозванца был просто мобильнее более крупного царского войска, а сам Лжедмитрий с ближайшими сторонниками, вероятно, стремился укрыться за крепостными стенами и был готов бросать тех отстающих, у кого пали кони. В-третьих, сыграла свою роль и усталость царского войска,

которое к тому же задержалось на разграблении лагеря самозванца (Материалы, 1911: 250).

Источники упоминают о значительном числе пленных, попавших в руки царской армии. По-видимому, пленные из числа «русских» и «казаков» были казнены, а пленные поляки отправлены с трофеями в Москву (Маржерет, 2007: 163; Масса, 1937: 90; Смит, 1893: 42). К. Буссов и «Иное сказание» именно к последствиям битвы при Добрыничах относят погром Комарицкой волости, при этом Буссов сопровождает рассказ описанием крестьян и членов крестьянских семей, подвешенных за ноги к деревьям и служивших мишенями (Буссов, 1998: 41; Иное сказание, 1989: 40). Эти известия дали основание Р.Г. Скрынникову выдвинуть гипотезу о том, что террор против населения Комарицкой волости «имел ярко выраженную социальную окраску» (Скрынников, 1985: 202). Между тем, эта гипотеза противоречит известиям И. Массы, который говорит о том, что такому наказанию были подвергнуты «пленные казаки (moscovitersen Casacken)» (Масса, 1937: 90). Вызывает сомнение и способность царских войск успеть провести разорение Комарицкой волости и прийти к Рыльску всего на три дня позже самозванца. К тому же, сами Добрыничи лежали на границе Комарицкой волости ближе к Новгород-Северскому (Шеламанова, 1974: 195). Царская армия вряд ли успела бы опустошить целую волость за это время. Что касается известий «Иного сказания», то, как отмечалось ранее, «Сказание» содержит ряд неточностей в описании событий, касающихся похода Лжедмитрия I (Скрынников, 1985: 202; Аксаныян, 2021: 68-69). Можно предположить, что после сражения при Добрыничах воеводы посчитали, что им необходимо привести войско в порядок, казнить пленников сторонников самозванца из числа предателей, чтобы подать пример устрашения и предотвратить «расползание» измены, и не обременять себя охраной значительного числа пленников. Эти казни в источниках «слились» с дальнейшими попытками подавить Смуту в Комарицкой области, которые, на наш взгляд, последуют позднее. Эти задачи воеводы посчитали более важными, нежели попытки немедленно поимать самозванца.

Царское войско осадило Рыльск на следующий день после бегства оттуда Лжедмитрия I. В городе распоряжался верный Лжедмитрию князь Г.Б. Долгорукий (ПСРЛ, 1910: 63). Отметим, что князь Долгорукий не имел значительного воеводского опыта. Первым его назначением, которое зафиксировали разрядные книги, было назначение вторым воеводой в Курск летом 1604 года (Разрядная книга, 2003: 79). Однако, несмотря на известную позднее склонность к злоупотреблению алкоголем, можно с уверенностью утверждать о наличии у него воеводских талантов в обороне крепостей, учитывая его последующую роль в обороне Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. (Тюменцев, 2008) Царские воеводы отказались от преследования самозванца и приступили к «правильной» осаде, начав плести корзины и рыть шанцы вокруг Рыльска. Только «подорывшись» к городу, царская армия начала его обстрел (Паэрле, 1859: 166; Борша, 1972: 389). Несмотря на артиллерийский огонь, осажденные сопротивлялись, сохраняя веру в истинность самозванца (Маржерет, 2007: 133; ПСРЛ, 1910: 62). Спустя две недели царское войско отступило от Рыльска, так и не взяв город.

После отступления основной части царской армии осажденные сделали вылазку и нанесли определенный урон оставшим частям. Источники из стана самозванца преувеличивают потери царской армии: А. Лавицкий упоминал о тысячи убитых, а Паэрле доводил эту цифру до трех тысяч (Скрынников, 1985: 205; Паэрле, 1859: 168). Однако, отсутствие упоминания об этой стычке и потерях царской армии даже у С. Борши и Ж. Маржерета говорит о том, что такие потери были не более чем слухами, многократно раздувавшими масштаб возможной стычки.

Отход войска от Рыльска стал причиной недовольства царя, который послал в войско П.Н. Шереметева и думного дьяка Афанасия Власьева для того, чтобы узнать о

причинах этого решения (Белокуров, 1907: 3). «Новый летописец» доносит раздражение, вызванное появлением в войске посланцев царя с укорами и поучениями (ПСРЛ, 1910: 63). На наш взгляд, причиной этого было непонимание в Москве тяжелых условий компании и настроений войска. Говорить о предательстве или полной некомпетентности воевод сложно. И в первом, и во втором случае И.И. Годунов непременно доложил бы в столицу. Добавим, что в Польше эти боевые действия тоже вызывали непонимание. В 1607 году в ответе «московским думным боярам» поляки объяснили победу самозванца пассивностью воевод царской армии: «Знать имел он покорность от такого большого Борисова войска и того с ним не сделали, что сделать могли» (Эйльбарт, 2013: 48).

После отступления царское войско отошло в «Радонежский острог», который С.Ф. Платонов ассоциировал с селом Радогощ в Комарицкой волости (Платонов, 1936: 173). Мы вполне поддерживаем это предположение, учитывая, учитывая наличие в начале XVII в. в Радогоще острога и его расположение в центре Комарицкой области, между Рыльском и Кромами (Шеламанова, 1974: 197; Борша, 1972: 390). Учитывая, что к Кромам войско князя Мстиславского подошло 4 марта, можно утверждать, что в районе Радогоща войско находилось около трех-четырёх недель, что нашло свое отражение в словах Маржерета «армия немного оправилась и отдохнула в Северской земле» и Паэрле «около 4 недель никто не знал, куда девались москвитяне» (Маржерет, 2007: 163; Паэрле, 1859: 168). На наш взгляд, именно к этому периоду относится пресловутый «разгром» Комарицкой волости. «Отдых» огромной царской армии требовал значительных ресурсов, реквизируемых силой у местного населения, что привело к «слиянию» в источниках этих событий с казнями, состоявшимися две-три недели назад, после победы под Добрыничами, находящимися в 40 км по прямой от Радогощского острога. Эта гипотеза, намеченная В.Д. Назаровым (Назаров, 1985: 198), подтверждается и словами Паэрле о разорении городов и сёл по пути в Кромы и записью в одной из разрядных книг о том, что после Рыльска воеводы «пошли в Комаричи» (Белокуров, 1907: 199). «Силное иманье» на территории государства в ходе военных действий регламентировалось, а иногда и полностью запрещалось (Пенской, 2018: 32–33). Мы предполагаем, что в восставшей волости для снабжения столь крупной армии все ограничения были сняты. Казанское сказание сообщает, что ранее в январе эти территории уже подверглись разорению войском самозванца (Тихомиров, 1951: 97).

Причины отступления от Рыльска были не поняты в столице, а «Новый летописец» доносит слова царя: «То сделалось вашим нерадением, сколько рати побили, а того Гришку не сумели поймать» (ПСРЛ, 1910: 63). Это «непонимание» нашло свое отражение и в других источниках, формировавшихся под влиянием циркулирующих в столице слухов о том, что царское войско «пребывало в бездействии» (Масса, 1937: 90, Петрей, 1997: 292). Маржерет, замечая, что войско под Рыльском пребывало в бездействии, сообщает, что основной причиной была усталость войска, и бояре намеревались его распустить на несколько месяцев (Маржерет, 2007: 163).

Источники же из стана самозванца уделяют больше внимания осаде Рыльска. С. Борша сообщает, что стойкость защитников Рыльска была вызвана обещанием самозванца прислать подкрепления, которое он сдержал, — в город, по его словам, пробилось 2000 русских и 600 поляков, что вызвало «тревогу» в царском войске. Одновременно из Путивля были распространены слухи об идущем на помощь самозванцу польском войске во главе с гетманом Жолкевским, которые дошли до воевод царской армии через взятого в плен русского сторонника, что и вызвало отступление царского войска в Комарицкую волость (Борша, 1872: 390). Г. Паэрле доводит общее число подкреплений, пробившихся в Рыльск, до 5000 человек, утверждая, что этот отряд в ночном бою разбил сторожевой отряд царской армии, и именно весть об этом привела в ужас царскую армию, которая отступила.

Это отступление от Рыльска С.Ф. Платонов объяснил двумя соображениями. Во-первых, действиями «партизанских» казачьих отрядов, которые действовали на коммуникациях и грозили «отсечь» войско князя Мстиславского от украинских и заоцких городов, которым, по его мнению, могла грозить опасность, т.к. к мятежу присоединился ряд южных крепостей: Оскол, Валуйки, Воронеж, Царев-Борисов, Белгород и Ливны. Во-вторых, тем фактом, что царское войско было не подготовлено к длительным боевым действиям «в поле», испытывало недостаток снабжения, что и стало причиной «разгрома» Комарицкой волости (Платонов, 1936: 172-173). Мысль о решающей роли восстания в южных крепостях, «партизанских» действиях и социальном факторе как основных причинах неудачи царского войско поддержал и развил и Р.Г. Скрынников, сделавший вывод о том, что после неудачной осады Рыльска воеводы вывели войска из восставшей местности, и предположивший, что если в стане самозванца о восстании в южных крепостях узнали 27 февраля, то их реальный переход на сторону Лжедмитрия состоялся раньше: в конце января, либо начале февраля (Скрынников, 1985: 210).

Между тем, поддерживая мнение С.Ф. Платонова о неготовности царского войска к длительным боевым действиям зимой и отъезде дворян из царского войска, согласиться с первым выше озвученным фактором мы не можем. Источники не упоминают о сколь-либо значительных «партизанских» движениях в тылу царской армии. Это, разумеется, не означает, что царская армия не подвергалась мелким «булавочным» уколам, находясь на охваченной восстанием территории, однако, составить сколь-либо серьезную угрозу, заставившую снять осаду, эти действия, не отразившиеся в источниках, вряд ли могли. Что касается опасений воевод быть отрезанными восстанием в крепостях, то следует отметить, что снятие осады Рыльска произошло в конце первой декады февраля, вероятно, 7 или 8 февраля. Как уже говорилось, сообщение из лагеря самозванца о переходе на его сторону вышеназванных городов датируется 27 февраля, и у нас нет оснований полагать, что царские воеводы были способны узнать об этом на две недели раньше сторонников Лжедмитрия, находившихся в Путивле, а значит, и эти известия не могли повлиять на решение воевод. Да и угрозы заоцким городам в середине февраля не существовало: после поражения при Добрыничах войска самозванца явно не были готовы к долгому переходу и штурму крепостей. Что касается мнения о выводе царского войска из охваченной восстанием местности, то отметим, что следующие пару недель царское войско провело в сердце восставшей Комарицкой волости.

На наш взгляд, причины отступления от Рыльска все же нашли свое непосредственное отражение в источниках. Несомненно, имела место усталость царского войска, вызванная ведением боевых действий «в поле» в осенне-зимний период в восставшей местности, что затрудняло добычу продовольствия и фуража. Г.Б. Долгоруков имел время, чтобы «выгрести» продовольствие с округи и подготовиться к осаде. Прорыв в Рыльск значительного воинского отряда резко снижал шансы на быстрое взятие крепости, а долгая осада требовала ресурсов, поиск которых затрудняли слухи о мнимом подходе войска Жолкевского, которое могло перехватить отряды, рассылаемые в дальнюю фуражировку. О том, что слухи о подходе этого мнимого войска оказали большое влияние на тактику царского войска, говорит тот факт, что в 1607 году польские сенаторы отвергали обвинения московских бояр в посылке каких бы то ни было писем с обещанием помощи Лжедмитрию, которые, по мнению русской стороны, оказали решающее влияние на решение самозванца остаться в Путивле (Эйльбарт, 2013: 51).

Отступив позднее в Комарицкую волость и не рискуя быть зажатыми между Рыльском и войском Жолкевского, воеводы смогли обеспечить снабжение армии. Идти же на решительный штурм Рыльска воеводы не отважились. Можно выдвинуть осторожную гипотезу о том, что царское войско испытывало нехватку не только «большого наряда», но и пороха, добыть который на охваченной восстанием территории было непросто, а

активная «контрбатареиная» борьба осажденных препятствовала быстрому разрушению стен крепости.

Подчеркнем, что решение об отправке «большого наряда» будет принято после битвы под Добрыничами, а прибудет в царскую армию он уже под Кромами. Вероятно, посланные тогда же из столицы «охотники все псары, конные подкляшники, чарошники, сытники, трубники» выполняли не столько функцию усиления царского войска, сколько охраны важнейшего наряда под командованием князя И.М. Бярятинского. О стремлении защитить наряд от угрозы попадания в руки восставших говорит и приказ князю Бярятинскому «взять паузу» в Карачеве, и отдельные распоряжения их столицы об усиленной охране наряда (Белокуров, 1907: 3–4; Разрядная книга, 1976: 223).

На наш взгляд, именно в проблемах снабжения крылась значительная доля неудачи царской армии. В.В. Пенской пришел к выводу о тщательности логистической подготовки, проводимой перед походами подобного масштаба (Пенской, 2018: 34–44). Однако поход царской армии против самозванца готовился в условиях первого года, последовавшего за Великим голодом, подорвавшим хозяйство. К тому же поход готовился в спешке, что затрудняло снабжение столь крупного войска, а переход на сторону самозванца пограничных городов лишал возможности использовать их для снабжения столь крупного войска.

Еще одной причиной отступления от Рыльска могли стать потенциально большие потери даже при удачном штурме, отраженные в словах летописца о том, что бояре отступили «видя их злую измену и непокорность государю, не желая крови христианской проливать» (ПСРЛ, 1910: 63). Это могло привести к ослаблению и распаду уставшего в бытовом плане войска, что в условиях слухов о польской армии могло повлиять на решение воевод отступить, чтобы сохранить боеспособность войска.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксаньян К.Э. Битва под Новгород-Северским 1604 года. Источниковедческий аспект // Клио., СПб., 2020. Т.4, №160.
- Аксаньян К.Э. «И под Добрынями побили его наголову». Битва при Добрыничах: опыт реконструкции // Историческое обозрение. 2021. № 22.
- Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время (7113-7121 гг.) М., 1907.
- Бер М. Летопись Московская // Сказания современников о о Дмитрии Самозванце. Т. 2. СПб., 1859.
- Борша С. Поход московского царя Димитрия в Москву с сендомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства 1604 года // РИБ. Т. 1. СПб., 1872.
- Буссов К. Московская Хроника // Хроники смутного времени. М., 1998.
- Волков В.А. Русская рать: испытание смутой Мятужи и битвы начала XVII столетия. М., 2017.
- Иное сказание // Смута в Московском государстве. Россия в XVII столетии в записках современников. М. Современник. 1989.
- Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007.
- Козляков В.Н. Лжедмитрий I. М., 2009.
- Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014.
- Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007.
- Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937.
- Материалы по Смутному времени на Руси XVII в., собранные проф. В. Н. Александренко // Старина и новизна, Книга 14. 1911.
- Назаров В.Д. К истории начального периода первой крестьянской войны в России // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9.

Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т.14.

Паэрле Г. Описание путешествия Ганса Георга Паэрле, уроженца аугсбургского, с господами Андреасом Натаном и Бернгардом Манлихом младшим, из Кракова в Москву и из Москвы в Краков, с 19 марта 1606 года по 15 декабря 1608 года // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 2. СПб., 1859.

Пенской В.В. Военное дело Московского государства. М., 2018.

Петрей П. История о Великом княжестве Московском // О начале воин и смут в Московии. М., 1997.

Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве. М., 1936.

Разин Е.А. История военного искусства XVI—XVII вв. СПб., 1999.

Разрядная книга 1550-1636 гг. М., 1976.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.4. Ч.2. М., 2003.

Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.

Смит Т. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. Спб. 1893.

Тихомиров М.Н. Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторический архив, Том VI. М.-Л. 1951.

Тюменцев И.О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг. М., 2008.

Шеламанова Н.Б. Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России. М., 1974.

Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013.

ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ ОПИСАНИЯ ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ (СЕРЕДИНА XVIII — СЕРЕДИНА XIX В.)

На облик эпохи Просвещения, начавшейся в России на рубеже XVII–XVIII вв., повлияли петровские реформы, имперский дух, политика просвещенного абсолютизма времен Елизаветы Петровны и Екатерины II, процессы дальнейшего обмирщения и европеизации русской культуры, социально-экономические реалии феодально-крепостнического общества, западноевропейские просветительские идеи. Эпоха Просвещения, последняя фаза которой фактически охватила также и первую четверть XIX в., сыграла огромную роль в зарождении в России интереса к памятникам времен минувших. Решение актуальных внешнеполитических задач и формирование национально-государственной идентичности Российской империи, проходившее в условиях нередких дворцовых переворотов, настоятельно требовали обращения к прошлому страны, к ее устоявшимся старинным православным традициям и древнейшим истокам, а также к недавним событиям военной истории, связанным с победой русского оружия (Преображенский, 2002; Патриотизм и национализм, 2015).

Именно в эпоху Просвещения в России зарождается понятие «памятное историческое место», которое стало обозначаться как «достопамятность» («достопамятности столичного города») или «достопамятное место». Кроме того, в лексику русского языка тогда вошло идентичное по значению прилагательное «достопримечательный» («достопримечательный монумент», «достопримечательные предметы») (Максимович, 1792–1793; Словарь русского языка, 1991: 236–237). Под «достопамятными местами» (достопримечательностями) подразумевались как старинные архитектурные объекты (крепости, храмы, монастыри) и археологические памятники (валы, курганы), так и ничем не отмеченные локации (населенные пункты), связанные с каким-либо значимым событием в истории нашей страны.

Со второй половины XVIII в., особенно после Первого раздела Речи Посполитой (1772 г.), в поле зрения российских ученых стали попадать достопримечательности западных губерний России. Часть российских описаний белорусских земель эпохи Просвещения привлекалась уже в исследованиях по истории археологии и краеведения Беларуси Л.В. Алексеева и Г.А. Кохановского (Кахановіцкі, 1984; Алексеев, 1996; Алексеев, Богданов, 2009).

Белорусские земли привлекали внимание российских ученых эпохи Просвещения еще до начала их вхождения в состав России. Не ограничиваясь изучением лишь письменных источников по российской истории, Василий Никитич Татищев (1686–1750) первым из отечественных исследователей, кто обратил серьезное внимание на вещественные реликвии (Перхавко, 2021). Во время Северной войны он впервые побывал за границей (в Польше). Направив Татищева в 1717 г. в Гданьск, Петр I поручал ему в числе прочих дел договориться о приобретении для России иконного изображения Страшного суда в Гданьском соборе, приписываемого самому св. Мефодию (Татищев, 1994а: 106). Большое влияние на приобщение Татищева к изучению истории России и памятников старины оказали также поездки в Швецию в 1725 г., а затем в Данию (Юхт, 1985: 185–189). В Стокгольме Татищев контактировал с секретарем шведской Коллегии древностей Бреннером с целью поиска сведений о русской истории, о чем свидетельствует его письмо одному из сподвижников Петра I, впоследствии кабинет-секретарю Екатерины I И.А. Черкасову от 14 мая 1725 г. (Пекарский, 1864: 20–21).

Главным научным трудом Татищева стала незавершенная им «История Российская», над которой он постоянно работал с 1727 г. В ней представлено прошлое нашей страны и населявших ее народов с доисторических времен и до Смутного времени начала XVII в. Правда, чтобы не разрывать ткань повествования, напомиравшую летописное изложение событий в хронологическом порядке, в текст «Истории Российской» Татищевым практически не включалась информация о памятниках старины. Она присутствует лишь в примечаниях к труду.

Татищев считал изучение исторических мест предметом исторической географии, а не истории. «География показывает положение мест, где что прежде было и ныне есть», — отмечал он в сочинении «Предъизвещение о истории общественное и собственно о русской» (Татищев, 2010: 272). В незавершенном, к сожалению, справочнике энциклопедического характера «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» (1745 г.), впервые изданном в 1793 г. и насчитывающем свыше 1500 словарных статей от буквы «А» до термина «ключник», В.Н. Татищев описал ряд исторических мест России и находившиеся там памятники старины (Вдовина, 1986)¹. Большинство этих мест находилось в центре Европейской части России и лишь одно в пределах Белоруссии. С историей Северной войны, в которой участвовал и сам Татищев, было связано «Доброе, местечко в Литве, воеводстве Мстиславском, на реке Наппе, 3 мили от Мстиславля, при котором 1708 г. над шведами предводительством генерала князя Голицына победа одержана» (Татищев, 1979: 263).

Татищев считал, что крест, который «доднесь хранится в Москве в соборной церкви Успения Богородицы (Успенском соборе Московского Кремля — В.П.), был привезен из Царьграда полоцким епископом Владимиром и преподнесен великому князю владимирскому Константину Всеволодовичу», хотя «некоторые неведущие истории скажут, якобы оной сделан Константином Великим» (Татищев, 1994б: 204, 261). Историк, конечно же, был ближе к истине.

Огромную роль в выявлении, письменной фиксации и изучении как недвижимых, так и движимых памятников отечественной истории и культуры играла с момента основания (1724 г.) Академия наук, организовавшая в XVIII в. серию экспедиций (Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, И.И. Лепехина, П.С. Палласа и др.) (Соболев, 1999: 47–48).

Академик Герард (Герхард) Фридрих Миллер (1705–1783), родившийся в вестфальском г. Херфорде (Герфорде), получивший университетское образование и приглашенный в 1725 г. в Петербургскую Академию наук, заложил основы российского исторического источниковедения (Белковец, 1988: 17–185; Илизаров, 2005; Историки, 2001: 15–18; Г.Ф. Миллер, 2007). В январе–феврале 1757 г. в академическом журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» он опубликовал «Роспись губерниям, провинциям, городам, крепостям, и другим достопамятным местам в Российской империи находящимся» (Ежемесячные сочинения, 1757). Автор перечислил в «Росписи» не только остроги (крепости), посады, слободы и городские центры, начиная с главного и столичного города Москвы, но и несколько монастырей. Между 1757 и 1764 гг. была сделана копия его описания под названием «Роспись губерниям, провинциям и другим достопамятным местам в Российской империи находящимся» (Отдел рукописей РГБ. Ф. 205. ОИДР. Д. 186а).

В 1773 г. в Москве типографией Московского университета был издан «Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовья, рудные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской империи...», составленный выпускником Сухопутного шляхетного корпуса, воеводой

---

¹ Авторство В.Н. Татищева предположительно приписывается еще одному историко-географическому справочнику первой половины XVIII в. (см.: Рукописный лексикон, 1964; Татищев, 1979: 428).

подмосковного города Вереи Федором Афанасьевичем Полуниным (ок. 1735/6 — ок. 1782/3, до 1787) при деятельном участии академика Г.Ф. Миллера (Географический лексикон, 1773)¹. В «Географическом лексиконе» при описании Могилевской губернии упоминаются «две славные битвы»: на р. Ведроше (14 июля 1500 г.) и под Оршей (8 сентября 1514 г.) (Географический лексикон, 2012: 321). Миллер обратил также внимание в «Географическом лексиконе» на место подписания Андрусовского перемирия по итогам войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг.: «АНДРУССОВА деревня, в Смоленской губернии, при речке Городне, между Смоленским и городом Мстиславлем, славна тем, что в оной в 1667 году между Россиею и Польшею заключено на 13 лет перемирие» (Там же: 47, 393). В «Географическом лексиконе» дважды отмечено также сражение 1708 г. у деревни Лесной: «ШКЛОВ, город на том же берегу реки Днепра, в 35 верстах от Могилева. По сему городу Генерал Ходкевич, владелец онаго назывался Графом. Здесь же переправился через реку Днепр Шведской генерал Граф Левенгаупт, когда он шел на случение с Королем своим, которому однако не много помочи учинил, потому что 28 сентября 1708 году Российским войском при деревне Лесной побит был»; «ПРОПОЙСК, город на западном берегу реки Соши, в 60 верстах от Крычева. Не в дальном разстоянии отселе к западу лежит деревня ЛЕСНО, при которой 28 сентября 1708 году Шведской генерал Левенгаупт от Российских войск на-голову побит, и большей части своего багажа лишен был» (Там же: 393, 395). Составителям «Географического лексикона» 1773 г., конечно, не хватало информации о белорусских землях и достопримечательных местах.

При Екатерине II начались работы по составлению комплексного описания Российской империи в географическом, историческом и этнографическом отношении. Руководить Белорусской физической экспедицией назначили в 1773 г. академика Ивана Ивановича Лепехина (1740–1802), побывавшего в Витебске, Могилеве, Орше, Полоцке. Он сообщал в рапорте Академии наук 28 августа 1773 г.: «В 9 милях от Полоцка при деревне Болотки посреди самой Двины находятся два великие камня, на которых изсечен крест и русскими буквами надпись, изъявляющая ту достопамятность, что половцы святое крещение восприяли от россиян чрез Гиндилла князя Полоцкого, который поял в супружество княжну Марию, дочь великого князя Бориса Тверского» (Таранович, 1935: 558, 567). Лепехин неверно передал содержание надписи, гласящей: «Господи помози рабу своему Борису» (см.: Сапунов, 1890). Один из участников экспедиции Лепехина Тимофей Семенович Мальгин в 1794 г. в книге «Зерцало российских государей» упомянул о найденном в 1792 г. близ г. Орша старинном камне с кириллической надписью, которую не смог точно атрибутировать².

Составители «Топографических примечаний на знатнейшие места путешествия ея императорского величества в Белорусские наместничества», среди которых был также Лепехин, указали в 1780 г. на историческое значение Пропойска (совр. Славгород) на Могилевщине: «недалеко от сего местечка при деревне Лесно в 1708 году 28 сентября побит был наголову от Российских войск Шведской корпус, под предводительством генерала Левенгаупта» (Топографические примечания, 1780: 95).

31 января 1785 г. П. Саймонов поручил генерал-губернатору Белорусских наместничеств (Могилевского и Полоцкого) Петру Богдановичу Пассеку составить «регистр буграм и холмам» вверенных ему наместничеств. 11 октября 1785 г. датирован список «горам Могилевского наместничества» с перечнем древних курганов и шанцев войн XVII–XVIII вв., хранящийся ныне в Российском государственном военно-

¹ См. его современное научное переиздание, использованное для цитирования: Географический лексикон, 2012.

² Он относил ее к полоцкому князю Василию Святославичу (см.: Мальгин, 1794: 168).

историческом архиве (РГВИА. Фонд ВУА. № 18354). Судя по переписке, в 1800–1802 гг. были подготовлены описания Белорусской и Витебской губерний.

В Санкт-Петербурге вышла книга «Путешествие Ея Императорского величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 г.», датированная в выходных данных почему-то 1786 г. (Путешествие Ея Императорского величества, 1786). Составитель путеводителя отметил при описании белорусских земель такие памятные исторические места, как Кричев, где в 1507 г. произошло кровопролитное сражение между русским и литовско-польским войсками, и место битвы в 1708 г. русских со шведами у деревни Лесной (около города Пропойска) (Там же: 21, 23, 41–42, 114).

Академик-геолог Василий Михайлович Севергин (1765–1826) путешествовал в 1803 г. по белорусским губерниям. Однако, не будучи историком, он слишком лаконично описывал памятники старины, например, Софийский собор в Полоцке (Севергин, 1804: 86). Повествуя о своем путешествии в Киев в 1804 г. через современную Восточную Беларусь (Оршу, Шклов, Могилев), митрополит Московский Платон (Левшин) обращал внимание главным образом на конфессионально-этническую ситуацию и немногие православные храмы (Путешествие высокопреосвященнейшего Платона, 1856: 15–20, третьей пагинации).

Впервые Семен Николаевич Корсаков (1787–1853), один из самых просвещенных русских людей первой половины XVIII в., будучи архивным чиновником Иностранной коллегии, совершил путешествие в Белоруссию в 1805 г., когда в путевых заметках сделал на французском языке краткое описание Витебска с его католическими и униатскими храмами (Отдел рукописей РГБ. Ф. 137. Карт. 12. Ед. хр. 3. № 1. Л. 20–22). В городке Дубровно Могилевской губернии он заметил в сентябре 1805 г. «остатки бывших в старину земляных укреплений, откуда вид весьма приятен на Днепр» (Отдел рукописей РГБ. Ф. 137. Карт. 12. Ед. хр. 1. Л. 33 об.–34). Во рву земляной крепости Могилева находилась могила какого-то военачальника, имя которого Корсакову так и не удалось узнать (Там же. Л. 36об.). В октябре 1812 г. в качестве одного из командиров 5-й дружины Петербургского ополчения он проявил храбрость в сражении за Полоцк, но при описании боя ему было, конечно, не до достопримечательностей города.

Заглянем в записную книжку 1821 г. С.Н. Корсакова, служившего тогда уже в Министерстве внутренних дел и совершившего в январе поездку из Петербурга через Псков в Северную Белоруссию. В Витебске, который был «построен в X столетии», из достопримечательностей им отмечены только «католические монастыри» и «Наполеонова площадь» (Отдел рукописей РГБ. Ф. 137. Карт. 175. Ед. хр. 6. Л. 8 об.). А вот в Пскове он не мог не обратить внимание на то, что центр города и Запсковье «окружены весьма древнею полуразвалившеюся каменною стеною» (Там же. Л. 11об.). Корсаковым указаны каменные замки в Гдове, Нарве (Вышгород), Иван-городе, земляной вал в Ямбурге (Там же. Л. 7–7об.).

В 1815 г. через белорусские земли проезжал костромской помещик и любитель-ботаник Александр Карлович Бошняк (1786–1831), отметивший в путевых заметках следы недавней войны с Наполеоном на р. Березине и в других местах, например «французские могилы». Он обратил внимание и на памятники глубокой старины: «Дорогой видел я несколько могильных курганов отменной величины; на некоторых из оных росли уже древние сосны и дубы. Сии курганы остались памятниками вероятно прошедших здесь сражений» (Бошняк, 1821: 86, 91)¹.

Словом «достопамятности» в эпоху Просвещения в России обозначали не только вещественные, но и письменные памятники, в том числе эпи графические материалы. Общество истории и древностей российских, основанное в 1804 г. при Московском

---

¹ См. об авторе записок: Бочков, 1989.

университете выпускало непериодическое издание «Русские достопамятности», в котором публиковались письменные источники. В описи 1802–1814 гг. движимого и недвижимого имущества Богоявленского монастыря в Полоцке сделаны пометы о его состоянии после пребывания в городе армии Наполеона (Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 292. Д. 55. Л. 1–77).

Уже после завершения войн России с Наполеоновской Францией Борисовыми камнями заинтересовался генерал-интендант, будущий министр финансов России Егор Францевич Канкрин (1774–1845), направивший 8 октября 1818 г. из Шклова Н.П. Румянцеву записку «О Камне Рогволода», а 24 октября того же года — информацию о четырех камнях на Западной Двине (недалеко от г. Дисна)¹. 31 декабря 1818 г. Канкрин сообщил Румянцеву дополнительные сведения о камнях с надписями, а также о каменном кресте со следами одной буквы и курганах у д. Голошовка (между Старосельем и Кохановым) (Отдел рукописей РГБ. Ф. 255. Р.а. Карт. 8. Ед. хр. 2. Л. 5–6 об.). Камни у г. Дисны и д. Креславки тогда описывал кратко также смотритель судоходства, подпоручик Дебональ (Там же. Л. 24–24 об.). По поручению Канкрин смотритель Полоцкого провиантского магазина Репин осмотрел вместе с архимандритом Борисоглебского монастыря Шулякевичем старинный каменный крест во дворе помещика Обромпальского в д. Беседовичи (Там же. Л. 28–28 об.). Сотрудники кружка Румянцева сыграли большую роль в изучении письменных и вещественных памятников Восточной Европы эпохи Средневековья (см.: Козлов, 1981).

Около 1818 г. чиновник почтового ведомства Петр Иванович Кёппен (1793–1864), впоследствии академик, занимавшийся тогда заодно фиксацией и изучением памятников древнерусской письменности, сочинил краткую «Записку о почтовом пути от Риги до Орши» для графа Н.П. Румянцева, который оказывал финансовую поддержку в поисках древностей (Отдел рукописей РГБ. Ф. 255. Румянцевы. Карт. 13. Ед. хр. 54. Л. 1–1об.). Прежде всего, Кёппен, не имевший еще достаточно познаний, искал камни с надписями: «Креславка — Здесь разорванные надписи, и по близости еще могут быть камни с надписями. Дрисса — Также около сих мест могут быть надписи. Дисна, чрез реку — Здесь находится смотритель провиантского магазина 10-го класса Катков, который доносил о 4-х камнях, находящихся в реке Двине и Дисенке» (Там же. Л. 1). Далее он упомянул о древностях Полоцка и его окрестностей, сославшись на своего информатора — смотрителя 10-го класса Дембинского: «Смотритель провиантского магазина 13-го класса Репин, он доносил о каменных крестах, находящихся в дворе Бездедовичах помещика Абрампольского и земле Екиманской, — он же Репин знает крест Св. Евфросинии и грамоту Ярослава Изяславича». «Если ехать чрез Сенно в Кораново, где однако нет уже почтового тракта, — от Коханова недалеко находится памятник Рогволода...» (Там же. Л. 1об.). О Борисовых камнях трижды в 1818 г. печаталась информация в газете «Северная почта», поступившая из Орши и Шклова².

Проезжая в 1819 г. через Гомель, П.И. Кёппен составил для Н.П. Румянцева краткий перечень древностей, встретившихся во время его путешествий вместе с приятелем, титулярным советником Иваном Андреевичем Гарижским (Отдел рукописей РГБ. Ф. 255. Карт. 13. Ед. хр. 54. Л. 7–8). В Полоцке их внимание привлекли: «Езуитская Академия; Библиотека; Музеум. Древняя Церковь во имя Спаса за городом, в коей некоторые на стенах — славянские надписи, впрочем не исторического содержания» (Там же. Л. 7об.). Кёппен отметил также, что основательница Спасского храма св. Евфросиния удалась затем в Иерусалим (Архив РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 131; Алексеев, 1996: 38–39). В

¹ К записке было приложено несколько зарисовок камней. См.: Отдел рукописей РГБ. Ф. 255. Р.а. Карт. 8. Ед.хр. 2. Л. 1–4 об., 7–17; Алексеев, 1991.

² Газета, издававшаяся в Петербурге, являлась официальным органом печати почтового департамента России. См.: Северная почта. 1818. № 74. 2 сентября; № 89. 25 октября; № 91. 2 ноября.

Витебске путешественники зафиксировали: «Бывший Базилианский монастырь, что ныне присудственные места; обрушившийся берег; оседающее строение; подземные водопроводы. Картинная галерея герцога Виртембергского, содержащая до 900 эстампов; Благовещенская униатская церковь и в ней Евангелие 1508 года рукописное» (Отдел рукописей РГБ. Ф. 255. Карт. 13. Ед. хр. 54. Л. 7 об.). Правда, Кёппен затруднился точно датировать трехапсидный Благовещенский храм, возведенный из плинфы в XII в. и снеженный в 1961 г. (Архив РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 131. Л. 26; Алексеев, 1996: 38–39). В Орше путешественники скопировали надпись на Борисоглебском камне, а в Могилеве осмотрели магистратский архив с документами на латинском, польском и русском языках, начиная с 1561 г. (Отдел рукописей РГБ. Ф. 255. Карт. 13. Ед. хр. 54. Л. 8). Во время еще одной поездки в Полоцк в 1821 г. Кёппен, пользовавшийся при изучении древностей белорусских губерний консультациями археолога З. Доленга-Ходаковского (Адама Чарноцкого) осмотрел в окрестностях города Бельчицкий монастырь, основанный в XII в. (Алексеев, 1996: 40).

В 1822 г. Кёппен напечатал иждивением графа Федора Андреевича Толстого в Москве, в типографии С. Селивановского «Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии». В этот перечень вошли, в частности: крест, изготовленный в 1161 г. по заказу Евфросинии Полоцкой мастером Лазарем Богшей и находившийся в Софийском соборе Полоцка; Рогволдов камень; крест св. Параскевии из Полоцка, отнесенный к XV в. (в действительности датируется XVI в.) (Кёппен, 1822: 41–51, 90–91 (№38–44, 115)). Им была опубликована также информация о надгробном камне менской бургомистерши Марьи Филипповны, жены Андрея Маленчина (Масленка), хранившемся в Минской гимназии и датированным началом XVII в. Ранее он находился в стене храма Вознесения Господня (Кёппен, 1822: 100 (№132)).

В российских описаниях второй половины XVIII – первой четверти XIX в., встречаются сведения о достопримечательностях главным образом Северной и Восточной Беларуси. Западная часть белорусских земель осталась вне поля зрения авторов описаний.

В «Записке о московских достопамятностях», впервые опубликованной в 1818 г. в журнале «Украинский вестник», Н.М. Карамзин констатировал: «У нас мало памятников прошедшего, тем более должны мы беречь, что есть» (см.: Карамзин, 1818: 121–143; Карамзин, 1988: 310–321). В 1823 г. комиссионер Московского университета А.С. Ширяев выпустил в Университетской типографии в четырех частях «Отечественные достопамятности». Однако белорусские земли и их достопримечательности остались вне поля зрения составителя издания (Отечественные достопамятности, 1823). Но уже с 1835 г. в белорусских губерниях началась мемориализация событий Отечественной войны 1812 г. (Лукашевич, 2012; Беларусь и война 1812 года, 2013: 370–391).

Завершился этот первый этап фиксации исторических достопамятностей белорусских губерний выходом в 1855 г. книги генерал-майора Михаила Осиповича Без-Корниловича (1796-1862) «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся». В 30–40-х гг. XIX в. автор занимался топографическими съемками и военно-статистическим описанием ряда западных губерний России, в том числе Минской губернии. В тексте его книги преобладают материалы о прошлом Белоруссии, но приводится также информация о памятных местах и памятниках старины: Борисовых камнях; местах сражений 1708 г. у д. Лесной и 1812 г. под Салтановкой; историческом месте в Бешенковичах, где в марте 1708 г. пребывал Петр I; остатках вала и рва в Чечерске (Без-Корнилович, 1855: 115, 207, 216, 220, 324). Причем древние курганы Без-Корнилович ошибочно связывал с захоронениями времен Отечественной войны 1812 г. (Там же: 220). Им сделано краткое описание состояния Спасо-Евфросиниевского храма на северной окраине Полоцка: «Толщина стен с узкими окнами (против прежних увеличенными в вышину) и таким же вверх сделанным

внутри стен скрытым ходом в тесную келью (где жила княжна монахиня) носит на себе отпечаток священной древности, и вместе с тем служит памятником зодчества XII века. Фронтон церкви снаружи с колоннами, и круглое окошечко в келье, устроено в новейшее время на место бывшего в ней другого малого окошка, от времени испортившегося» (Там же: 106). Без-Корнилович подробно охарактеризовал открытие в 1839 г. в Полоцке у здания Полоцкого кадетского корпуса (бывшего иезуитского коллегиума) чугунного памятника, посвященного подвигам русских воинов во время Отечественной войны 1812 г. (Там же: 109–111).

Признание тех либо иных остатков духовной и материальной культуры-свидетелей прошлого национальным наследием зависит от уровня и направленности развития исторического сознания общества. Предметный мир историко-культурного наследия включает совокупность движимых и недвижимых памятников, материальных и духовных ценностей, в том числе памятных мест. На первоначальном этапе, в эпоху Просвещения, изучение памятных мест России, в том числе белорусских губерний, носило преимущественно регистрационно-фиксационный характер. Но этот предварительный этап подготовил почву для последующей их материальной и письменной коммеморации. В дальнейшем российские ученые начинают переходить от простой фиксации памятников искусства и старины к их аналитическому описанию. Публикация первых российских описаний Белорусских губерний, осуществлявшаяся как по государственной линии, так и на основе частных инициатив, способствовала ознакомлению просвещенной части русского общества с их достопримечательностями. Научную ценность представляют изыскания Е.Ф. Канкрина и П.И. Кёппена о камнях с кириллическими надписями у Западной Двины. Они свидетельствуют об общем древнерусском наследии соседних восточнославянских народов.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив РАН. Ф. 30. П.И. Кёппен. Оп. 1. Д. 131
Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 292. Д. 55.
Отдел рукописей РГБ. Ф. 137. Корсаковы. Карт. 12. Ед. хр. 1.
Отдел рукописей РГБ. Ф. 137. Карт. 12. Ед. хр. 3.
Отдел рукописей РГБ. Ф. 137. Карт. 175. Ед. хр. 6.
Отдел рукописей РГБ. Ф. 205. ОИДР. Д. 186а
Отдел рукописей РГБ. Ф. 255. Румянцевы. Карт. 8. Ед.хр. 2.
Отдел рукописей РГБ. Ф. 255. Карт. 13. Ед. хр. 54.
РГВИА. Фонд ВУА. № 18354

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев Л.В. Е.Ф. Канкрин и история открытия Борисовых камней в Белоруссии // Советская археология. 1991. № 2. С. 256–266.
Алексеев Л.В. Археология и краеведение Беларуси XVI в.–30-е годы XX в. Минск, 1996.
Алексеев Л.В., Богданов В.П. Западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении. М., 2009.
Без-Корнилович М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. СПб., 1855.
Беларусь и война 1812 года: Документы / Сост. А.М. Лукашевич, Д.Л. Яцкевич. Минск, 2013.
Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1988.
Бочков В.Н. Бошняк Александр Карлович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 323.

- Бошняк А.К. Дневные записки путешествия А. Бошняка в разные области Западной и Полуденной России в 1815 г. М., 1821. Ч. II.
- Вдовина Л.Н. «Лексикон российской...» В.Н. Татищева как источник по истории и культуре XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1986. № 5. С. 51–62.
- Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007.
- Географический лексикон Российского государства, или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовья, рудные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской империи. М., 1773.
- Географический лексикон Российского государства / Составление, статья С.С. Илизарова. М., 2012.
- Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1757. Январь. С. 3–49; Февраль. С. 99–125.
- Илизаров С.С. Герард Фридрих Миллер. (1705–1783). М., 2005.
- Историки России. Биографии. М., 2001. С. 15–18.
- Карамзин Н.М. Записка о московских достопамятностях // Украинский вестник. 1818. Кн. 5. Ч. 10. С. 121–143.
- Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: Избранная проза / Сост., предисл. и примеч. Вл. Б. Муравьева. М., 1988.
- Каханоўскі Г.А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі XVI — XX стст. Мінск, 1984.
- Кеппен П.И. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. М., 1822.
- Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1981.
- Лукашевич А.М. Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси. Минск, 2012.
- Максимович Л.М. Путеводитель к древности и достопамятностям московским. М., 1792–1793. Ч. I–IV.
- Мальгин Т. Зерцало российских государей. СПб., 1794.
- Отечественные достопамятности. М., 1823. Ч. 1–4.
- Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.). Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2015.
- Пекарский П. Новые известия о В.Н. Татищеве. СПб., 1864.
- Перхавко В.Б. Памятники материальной культуры в научном наследии В.Н. Татищева // Исторические записки. М., 2021. Т. 20 (138). С. 59–81.
- Преображенский А.А. «Веков связующая нить...». Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII — начало XIX в.). М., 2002.
- Путешествие Ея Императорского величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 г. СПб., 1786.
- Путешествие высокопреосвященнейшего Платона, митрополита Московского в Киев и по другим российским городам в 1804 году // Снегирев И.М. Жизнь Московского митрополита Платона. М., 1856. Ч. 2.
- Рукописный лексикон первой половины XVIII века / Подгот. к печати А.П. Аверьянова. Л., 1964.
- Сапунов А. Борисовы или Двинские камни. Витебск, 1890.
- Северная почта. 1818. № 74. 2 сентября; № 89. 25 октября; № 91. 2 ноября.
- Соболев В.С. Для будущего России. СПб., 1999.
- Севергин В.М. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства. СПб., 1804. С. 86.
- Словарь русского языка XVIII века. Л., 1991. Вып. 6.

- Таранович В.П. Экспедиция академика И.И. Лепехина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г. // Труды Института истории науки и техники. М.; Л., 1935. Вып. 5.
- Татищев В.Н. Избранные произведения / Под общ. редакцией С.Н. Валка. Л., 1979.
- Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. I. История Российская. Часть первая. М., 1994.
- Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. III. История Российская. Часть вторая. М., 1994.
- Татищев В.Н. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Б. Каменский. М., 2010.
- Топографические примечания на знатнейшие места путешествия ея императорского величества в Белорусские наместничества. СПб., 1780.
- Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х — начале 30-х гг. XVIII в. М., 1985.

К ВОПРОСУ О РЕАЛЬНОСТИ ВСТРЕЧИ БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО И ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В КАНУН КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Как известно, реальность встречи благоверного князя Дмитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского в канун Куликовской битвы не подвергалась исследователями сомнению вплоть до прошлого века. Однако потом ситуация изменилась, и стали появляться статьи, отражающие скептический взгляд на возможность указанного события.

Так, в опубликованной в 1959 году издательством Академии наук СССР книге «Повести о Куликовской битве», в разделе «Куликовская битва 1380 года», академик М.Н. Тихомиров писал: «В сказания были включены и многие другие повествования легендарного характера. К ним, в частности, принадлежит рассказ о благословении Дмитрия Донского на бой с татарами Сергием Радонежским. Как говорится в сказаниях, поездка Дмитрия Донского к Сергию Радонежскому в Троице-Сергиев монастырь произошла будто бы тотчас после того, как Дмитрий узнал о походе Мамай. Однако у нас есть весьма достоверный источник, указывающий на легендарность данного рассказа» (Тихомиров, 1959: 346). Что же это за источник и как он позволяет доказать легендарность встречи? «В Епифаниевом житии Сергия, источнике, очень близком по времени написания к Куликовской битве, приводится следующий разговор Дмитрия с Сергием о татарском нашествии: “Некогда же приде князь великий в монастырь к преподобному Сергию и рече ему: “Отче, велиа печаль обдержит мя, слышах бо, яко Мамай въздвиже всю орду и идет на Русскую землю, хотя разорити церкви...” Сергий предсказал Дмитрию грядущую победу, после чего “слышано ж бысть, яко Мамай идет с татары с великою силою. Князь же собрав воя изиде противу их”. Из приведенного текста вытекает, что поездка Дмитрия к Сергию Радонежскому и разговор с ним о Мамае произошли до похода татар, когда только предполагалось, что они нападут на Русь. В Епифаниевской редакции с поправками Пахомия Логофета рассказ о приезде Дмитрия Донского в монастырь сильно расширен и уже есть тенденция показать, что поездка Дмитрия состоялась перед самым походом русских войск к Дону: “И се князю глаголющу, слышано бысть вскоре: се Мамай грядет с татары с силою мноюю. Князь же великий собрався изыде вскоре противу их”» (Тихомиров, 1959: 346–347).

Аргументация М.Н. Тихомирова, признаться, вызывает некоторое недоумение. Во-первых, если, как признает сам М.Н. Тихомиров, Епифаниевское житие преподобного Сергия Радонежского (далее — Житие) написано очень близко по времени к Куликовской битве, на каком основании можно делать вывод, что описанной в нем встречи в реальности не было? На том, что более поздняя Пахомиевская редакция предлагает несколько иную трактовку событий? Но в ней тоже признается факт встречи. Логичным, на наш взгляд, в этой ситуации будет вывод о том, что один из двух агиографов привел более точные сведения о встрече, но не о том, что встречи не было. Во-вторых, процитируем более обширный фрагмент Пахомиевской редакции, нежели тот, что приводится в работе М.Н. Тихомирова, рассказывающий о встрече: «Бысть убо Богу попущающу за грѣхы наша, слышано бысть, яко ординьскый князь Мамай въздвиже силу велику, всю орду безбожных татаръ, идет на Рускую землю; и бяху вси людие въ страсѣ велицѣ утѣсняеми. Князь же великодръжавный, иже тогда скупетры Русскихъ странъ обдержа, достохвалный и побѣдоносный, великий Дмитрей да глаголется. Сей убо прииде къ святому Сергию, якоже велию вѣру имѣа къ старцу, вѣпросити его, аще повелитъ ему противу безбожныхъ изыти: вѣдяше бо мужа добродѣтелна суца и даръ пророчества имуща.

Святой же, яко услыша сия от великого князя, благословивъ его, молитвою въоружив, и рече: “Подобает ти, господине, пещися о врученном от Бога христоименитому стаду. Поиди противу безбожныхъ, и Богу помогающу ти, побѣдиши и здравъ въ свое отечество с великими похвалами възвратишися”. Великий же князь рече: “Аще ми Богъ поможет, отче, поставлю монастырь въ имя пречистые Богоматере”. И сия рекъ, въсприемь благословение, отиде, поиде скоро» (БЛДР, 6, 1999: 372).

Из приведенного фрагмента видно, что и в Пахомиевской редакции говорится о том, что встреча благоверного князя Дмитрия Донского и Преподобного Сергия состоялась тогда, когда на Руси только появились известия о предстоящем походе Мамаю.

Таким образом, в двух редакциях Жития нет противоречий в указании времени встречи Дмитрия Донского и Преподобного Сергия, замечания М.Н. Тихомирова представляются некорректными.

Рассмотрим мнение другого известного ученого, выступившего против традиционной точки зрения, — профессора В.А. Кучкина. Кратко, без представления конкретных аргументов его позицию можно обозначить следующим образом: в созданной спустя сравнительно недолгое время после Куликовской битвы I редакции Жития речь на самом деле идет о встрече благоверного Дмитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского перед битвой с татарами на реке Воже, которая произошла в 1378 году. В более поздней III редакции были сделаны правки, серьезно изменившие первоначальный замысел текста и позволившие воспринимать его как рассказ о встрече незадолго до сражения на Куликовом поле. И наконец в созданном позже чем через век после рассматриваемых событий Сказании о Мамаевом побоище (далее — Сказание) появилось много новых совершенно недостоверных подробностей и деталей, и, таким образом, говорить о встрече благоверного князя Дмитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского необоснованно (Кучкин, 1992: Эл. ресурс).

К сожалению, в I редакции Жития прямо не говорится, о каком сражении идет речь, а Краткая и Пространная летописные повести о Куликовской битве ничего не сообщают о встрече. Таким образом, «Сказание о Мамаевом побоище» — единственное произведение, четко и не допуская перетолкований, рассказывающее о встрече благоверного князя Дмитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского перед Куликовской битвой. Поэтому для решения вопроса о том, в каком году, 1378 или 1380, произошла встреча, описанная в I редакции Жития, безусловно, важно решить, является ли достоверной информация Сказания.

Найти прямые доказательства легендарности тех сведений о встрече благоверного князя Дмитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского в канун Куликовской битвы, которые сообщает Сказание, вряд ли возможно, поэтому исследователи приводят аргументы о недостоверности Сказания в целом (наличие анахронизмов, исторические несоответствия, позднее время создания, неподтвержденность сведений другими источниками и т. д.), так как из недостоверного целого, при условии, что недостоверность доказана, можно легко сделать вывод, пусть и не вполне корректный, о недостоверном частном.

В своей статье мы не будем рассматривать аргументы тех исследователей, которые приводят контрдоводы по вышеуказанным аспектам и высказывать свою точку зрения о достоверности Сказания в целом, так как ставим перед собой более скромную задачу — обосновать положение о том, что встреча благоверного Дмитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского перед Куликовской битвой не является легендарной. Другими словами, мы считаем, что найти прямые доказательства в пользу реальности описанной в Сказании встречи возможно, в то время как, повторимся, найти прямые доказательства против нам представляется вряд ли возможным.

Выше мы уже кратко раскрывали последовательность выводов В.А. Кучкина об искажении первоначального смысла I редакции Жития в более поздних редакциях и Сказании. Прочитав этот важнейший для нас тезис ученого: «К 1378 г. относится еще одно событие, которое, как и другие эпизоды биографии троицкого игумена, в Житии не имеет точной даты, а в литературе, как правило, связывалось с Куликовской битвой. Речь идет о приезде в Троицкий монастырь великого князя Дмитрия и о его беседе с Сергием. Вот это житийное повествование, цитируемое по древнейшей, I Пахомиевской редакции: “О побѣжении татаръ и иже на Дубенкѣ о монастыри. Нѣкогда же приде князь великий в монастырь къ преподобному Сергиу и рече ему: “Отче, велиа печаль обдержит мя. Слышах бо, яко Мамаи въздвиже всю Орду и идет на Русскую землю, хотя разорити церкви, их же Христос кровию своею искупи. Тѣм же, отче святыи, помолити бога о том, яко сия печаль обща всѣм хрестияномъ есть”. Преподобный же отвѣща: “Иди противу их и, богу помогающе ти, побѣдиши, и здравъ съ вои своими възвратишися, токмо не малодушьствуи”. Князь же отвѣща: “Аще убо бог поможет ми молитвами твоими, то пришед поставлю церковь въ имя пречистыа владычица наша богородица честнаго ея Успения и монастырь съставлю общаго житиа”. Слышанно же бысть, яко Мамаи идет с татары с великою силою. Князь же, събравъ вой, изыде противу их, и бысть по пророчеству святого Сергия, и побѣдивъ, татары прогна, и сам здравъ съ вои своими възвратися. И тако моливъ святого Сергия обрѣсти мѣсто подобно, иде же црковь сътворити. И тако обрѣтше мѣсто подобно, призва же князя великаго, и основаста церковь, иже и вскорѣ сътворше церковь красну во имя пречистыа на Дубенкѣ, и съставиша обще житие. Постави же единого от ученикъ своих игумена в том монастыри, сам же пакы възвратися въ свои ему монастырь”. Этот рассказ был существенно пополнен Пахомием Сербом в III редакции Жития Сергия. Источником дополнений послужила т. н. Пространная летописная Повесть о Куликовской битве, восходившая к митрополичьему своду 1423 года. В III редакции Жития соответствующий раздел получил иной заголовок: “О побѣдѣ великого князя Дмитрия над безбожнѣа агаряны” и воспринимался уже как рассказ о событиях 1380 года. В начале XVI в. в Сказании о Мамаевом побоище описание свидания Дмитрия Ивановича с Сергием пополнилось красочными подробностями, все это и стало достоянием исторической науки» (Кучкин, 1992: Эл. ресурс).

Как видно из цитаты, исследователь утверждает о возникновении и постепенном разрастании легенды, рассказывающей о встрече двух святых незадолго до Куликовской битвы. Однако независимо от того, было написано Сказание позже, чем Житие, как это утверждает В.А. Кучкин, или раньше, а этот вопрос, как представляется, можно считать дискуссионным (Дмитриев, 1959: 406—448; Словарь, 1989: 377), никак нельзя отрицать, что оно расходится с Житием в ряде принципиальных моментов и дает качественно иную оценку вкладу Преподобного Сергия в победу над Мамаем. Сравним некоторые фрагменты. Для цитирования мы используем текст III редакции Жития, опубликованный в БЛДР. Несмотря на то, что название главы Жития, рассказывающей о посещении Димитрием Донским преподобного Сергия Радонежского, в списке, на который ссылается В.А. Кучкин (РГБ, Рукописный отдел, ф. 556, № 92, л. 248), не совпадает с названием главы в тексте, изданном БЛДР, который цитируем мы, это не влияет на корректность выводов, поскольку никаких заметных отличий в содержании двух списков с точки зрения предмета нашей статьи нами не обнаружено.

В Житии Димитрий Донской обращается к Сергию с просьбой о помощи в принятии важнейшего решения — выступать или не выступать против Орды: «Сей убо приде къ святому Сергию, якоже велию вѣру имѣа къ старцу, вѣпросити его, аще повелити ему противу безбожнѣа изыти: вѣдяше бо мужа добродѣтелна суща и даръ пророчества имуща» (БЛДР, 6, 1999: 372). В Сказании князь дважды обращается за советом к митрополиту Киприану, к Преподобному Сергию же он приходит получить благословение на

уже принятое решение: «Князь же великий Дмитрий Иванович поимь с собою брата своего, князя Владимира Андрѣвича, и вся князи русские, и поеде к Жывоначалной Троици на поклонъ къ отцу своему, преподобному старцу Сергию, благословения получитьи от святаго тоа обители» (БЛДР, 6, 1999: 150).

В Житии Преподобный Сергий оказывает моральную поддержку князю в решающий для Руси момент, по сути, Дмитрий Донской ведет войско в бой благодаря твердой позиции Преподобного: «И тако събравъ вся воя своя, приспѣ противу безбожных татаръ: и увидѣвъ силу их зѣло множество, сташа сомнящесе, страхомъ мнози от них обити быша, помышляюще, что сътворити. И се внезапно въ той час приспѣ борзоходець с посланием от святаго, глаголюще: “Без всякого съмнѣния, господине, съ дръзновениемъ поиди противу свирѣпства их, никакоже ужасатися, всяко поможет ти Богъ”. И абие князь великий Дмитрие и все воинство его, от сего велику дръзость въсприимше, изыдоша противу поганых, сие слово рекъ: “Боже великий, сътворивый небо и землю! Помощникъ ми буди на противъники святаго ти имени”» (БЛДР, 6, 1999: 372). В Сказании послание Преподобного Сергия усиливает готовность князя вступить в бой, но ни о каком ином решении, как следует из текста, речь и так идти не могла: «Утвѣрдивъ же плѣкы, и паки прииде под свое знамя черное и сѣде с коня и на инъ конь всяде и сѣвлече с себя приволоку царскую и въ ину облечесе. Тѣй конь свой дасть под Михаила Андрѣвича под Бреника и ту приволоку на него положиль, иже бѣ ему любимъ паче мѣры, и тѣ знамя черное повелѣ рыделю своему над нимъ возити. Под тѣм знамянем и убиенъ бысть за великого князя. Князь же великий ста на мѣсте своемъ и, вынявъ из надръ своих жывоносный крестъ, на немъ же бѣ въображены страсти Христовы, в немъ же бѣ жывоносное дрѣво, и въсплакася горко и рече: “На тебе убо надѣмься, жывоносный Господень кресте, иже симъ образомъ явивыйся греческому царю Константину, егда ему на брани сушу с нечестивыми и чюдным твоим образомъ побѣди их. Не могутъ бо погании нечестивии половци противу твоему образу стати, тако, Господи, удиви милость свою на рабѣ твоємъ!” В то же врѣмя прииде к нему посоль с книгами от преподобнаго старца игумена Сергия, въ книгахъ писано: “Великому князю и всѣмъ русскимъ княземъ, и всему православному вѣйску миръ и благословение!” Князь же великий, слышавъ писание преподобнаго старца и цѣловавъ посольника любезно, тѣмъ писаниемъ утвѣрдися, акы нѣкими крѣпкими бранями» (БЛДР, 6, 1999: 174).

В житии Преподобный Сергий во время сражения неустанно молится о победе над врагом и духовным зрением видит все происходящее на Куликовом поле: «Святой же тогда по предреченному, яко прозорливый имѣя даръ, вѣдѣше, яко близъ вся бываемаа. Зряше издалече, бяше растоания мѣстом и многы дни хождениемъ, на молитвѣ съ братиею Богу предстоа о бывшей побѣдѣ на поганыхъ. Малу же часу мимошедшу, яко до конца побѣдени быша безбожнии, вся предсказоваше братиамъ бывшаа святой: побѣду и храборство великого князя Дмитрия Ивановича, преславно побѣду показавша на поганыхъ, и от нихъ избиеныхъ сихъ по имени сказа и приношение о нихъ всемилостивому Богу принесе» (БЛДР, 6, 1999: 374). В Сказании Преподобный Сергий больше не упоминается.

Справедливости ради нужно отметить, что в списке ГПБ Q.IV.354, представляющем особый вид Распространенной редакции, есть эпизод, отсутствующий в списках Основной редакции Сказания: «... токмо ударишася крепко, яко невозмогаша ихъ кони на себе держати, но сразиша ихъ кони ихъ вместо и падшее умроша. Они же вставше и схватисхася подъ пазухи, оба ударишася о землю и ту оба скончася — не токмо Пересвет, но и печенегъ все разбросившася лежат, самъ же весь цел. В то время преподобный, премилостивый Сергий посла на Троицкую колокольню старца видения ради — како случися православнымъ княземъ з безбожными агаряны. Старець же Никонъ шедъ на колокольню и виде на поле Куликове Пересвета лежаща с печенегомъ, и виде Пересветову ризу,

лежащую на печенеге. Старец же шед поведи преподобному Сергию: “Видел, господине отче, на поле Куликове Пересвет и печенег оба лежаща мертвы, а Пересветова риза на печенеге лежащу”. Преподобный же начал молиться и от сего мнози разумевшее, яко верх великого князя будет» (Дмитриев, 1959: 471). Однако список, согласно Л.А. Дмитриеву (Дмитриев, 1959: 471), датируется второй половиной XVII века и представляет собой позднее добавление.

В житии явно акцентируется заслуга Преподобного в победе: «Достохвалный же и побѣдоносный великий князь Дмитрие, славу побѣду на съпротивныя варвары възвезе, възвращается свѣтло в радости мнозѣ въ свое отечество. И незамедлено прииде къ старцу святому Сергию, благодать въздаа ему о добром съвѣщании, и всесилаго Бога славляше, и о молитвах благодаряше старца и братию, в веселии сердца бывшаа вся исповѣдаше, како възвеличи Господь милость свою на нем; и милостыню многу в монастырь дасть» (БЛДР, 6, 1999: 374). В Сказании же автор, подводя итог, вообще не называет имени радонежского игумена: «Сия же суть милостию всемогущаго Бога и пречистыа Матери Божиа и молениемъ и помощьюъ святыхъ страсотръпецъ Бориса и Глѣба, ихъже видѣ Фома Кацибѣвъ разбойникъ, егда на сторожы стоя, якоже преже писано есть» (БЛДР, 6, 1999: 182). В то же время им подчеркивается не только молитвенная, но и особая, сверхъестественная помощь святых Бориса и Глеба. Мы говорим именно об авторе, поскольку слова: «Милостью Божию и пречистыа его Матери, пособием и молитвами сродникъ нашихъ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба и молениемъ русскаго святителя Петра и пособника нашего и въоружителя игумена Сергия, — и тѣхъ всѣхъ святыхъ молитвами врази наши побѣжени суть, мы же спасохомся» (БЛДР, 6, 1999: 184), — принадлежат в Сказании князю Владимиру Андреевичу.

Отметим, что в Киприановской редакции Сказания в числе угодников Божиих, благодаря которым была одержана победа над татарами, назван и Преподобный Сергей: «И възвратишия вспять христіаньстїи вои и видѣша яко всюду мертви лежаху; и такова убо бысть побѣда и помощьъ Божиа, и чюдеса и знаменїа Божиа Матерее и великаго чюдотворца Петра и преподобнаго игумена Сергия и святыхъ страсотерпецъ Бориса и Глѣба и всѣхъ святыхъ и родительскаа молитва православныхъ христіан...» (ПСРЛ, 11, 1897: 62).

Однако Киприановская редакция, как доказал Л.А. Дмитриев (Дмитриев, 1959: 406—448; Словарь, 1989: 374], создана позже, чем Основная, следовательно, подчеркивание помощи Преподобного Сергия появилось в результате позднейшего переосмысления. Если же считать, что Киприановская редакция была создана раньше всех остальных, как изначально полагал С.К. Шамбинаго, то трудно объяснить умаление роли Преподобного Сергия в последующих редакциях. К тому же сохраняются три остальных принципиальных различия в информации Жития и Сказания.

Скажем и о том, что как в Киприановской, так и в Распространенной редакции рассказывается о визите благоверного Димитрия Донского к Преподобному Сергию после возвращения в Москву, но и в том и в другом случае в Сказании видны серьезные отличия от Жития: «И рече ему князь великий: “Твой, отче, извольници, а мои служебници теми победихъ своя врагы. Твой, отче, въоружитель, рекомый Пересвет, победилъ подобна себе. А только бы, отче, не твой въоружитель, ино было, отче, многимъ христіаномъ от того пити горкую чашу”» (Распространенная редакция) (Повести, 1959: 158).

«... И рече ему: “Отче, твоими святыми молитвами побѣдихомъ Измаилтянь; и аще не бы твой чюдный послушникъ инокъ Пересвѣтъ Александръ убилъ великаго богатыря Татарскаго, то убо пити было отъ него многимъ чаша смертна...”» (Киприановская редакция) (ПСРЛ, 11, 1897: 68).

Мы оставляем без рассмотрения Летописную редакцию Сказания, так как в ней нет существенных дополнительных сведений о встрече, которые бы отсутствовали в Основной редакции.

Итак, в Основной редакции о посещении Димитрием Донским Троицкой обители после сражения не говорится ничего, в Распространенной редакции князь во время визита благодарит Преподобного за то, что он благословил Пересвета участвовать в битве и воин-схимник внес значительный вклад в победу, в Киприановской редакции благодарный Димитрий говорит прежде всего о силе молитвы Преподобного, но также отмечает воинский подвиг богатыря Пересвета.

В каждой следующей по времени создания редакции появляются новые сведения, сглаживающие различия между текстом Сказания и текстом Жития, однако различие, причем достаточно существенное, все равно остается: «И незамедленно прииде къ старцу святому Сергию, *благодать въздаа ему о добром съвъщании, и всесилнаго Бога славляше, и о молитвах благодаряше старца и братию* (курсив наш. — И.Р.), в веселии сердца бывшаа вся исповѣдаше, како възвеличи Господь милость свою на нем; и милостыню многу в монастырь дасть» (БЛДР, 6, 1999: 374).

В Житии благоверный Димитрий благодарит Преподобного Сергия прежде всего за совет, то есть, по сути, утверждается инициатива Преподобного Сергия в выступлении княжеского войска против татар. Говоря о том, что Распространенная редакция была создана после Основной, а Киприановская — после Распространенной, мы опирались на точку зрения Л.А. Дмитриева (Дмитриев, 1959: 406—448]. Но в то же время вышенаписанное, как нам представляется, в свою очередь, доказывает, что суждения ученого о хронологии создания редакций были правильными.

Таким образом, независимо от того, какой текст был создан раньше, Житие или Сказание, можно сделать вывод о том, что мы имеем дело не с разрастанием первоначальной легенды и не с созданием легенды альтернативной, так как тексты расходятся не в частности, но в главном и существеннейшем вопросе — значении Преподобного Сергия в победе на Куликом поле. Совпадение маленькой главы Жития «О побѣдѣ великого князя Дмитрия над безбожнѣ агаряны» со Сказанием наблюдается лишь в одном: в обоих текстах признается встреча благоверного князя Димитрия Донского с Преподобным Сергием. К тому же утверждать о создании альтернативного мифа не позволяет тот факт, что главной фигурой Сказания, в отличие от Жития, является благоверный князь Димитрий Донской.

Значит, можно с уверенностью говорить либо о том, что авторы вышеуказанных произведений задействовали для рассказа о событии разные информационные ресурсы (вероятно, воспоминания участников Куликовской битвы в Сказании и монастырское предание в Житии), либо о своего рода ревизионистском отношении древнерусского книжника к содержанию более раннего текста — Жития или Сказания (о том, что Сказание могло появиться раньше Жития, мы упоминали выше). При этом, исходя из единственной точки пересечения двух текстов, и в том, и в другом случае можно утверждать, что факт встречи двух святых рассматривался в Древней Руси как бесспорный.

Отсюда, после вывода о реальности встречи благоверного Димитрия и Преподобного Сергия, логично сделать вывод о том, что в I редакции Жития, как и в III, говорится о встрече именно в канун Куликовской битвы. Однако, делая этот вывод, нельзя не рассмотреть аргументы В.А. Кучкина против того, что в I Редакции Жития говорится о встрече 1380 года.

«Слова “въздвиге всю Орду” в Житии больше соответствуют событиям 1378 г., поскольку в 1380 г. Мамай собрал силы не только Орды, но и ее союзников. К тому же в 1380 г. московский князь ожидал нападения со стороны не только Орды, но и Литвы, в беседе же Димитрия с Сергием упоминается лишь один враг — Мамай» (Кучкин, 1992:

Эл. ресурс). Так как в процитированном ученым фрагменте Жития употреблено слово «всю», а не слово «только» или «единственно», то речь, безусловно, идет не о том, что у Мамаю не было союзников, но о том, что он выступил со всем имевшимся в его распоряжении войском. Агиограф мог упомянуть из врагов одного лишь Мамаю в силу того, что именно татарское войско воспринималось как главная угроза. «В I Пахомиевской редакции Жития Сергей напутствует Дмитрия: “Токмо не малодушьствуи” (в последующих переделках памятника эта фраза снята). Если предположить, что их беседа протекала в канун Куликовской битвы, то такая фраза звучит не вполне уместно. Ведь перед тем Дмитрий Иванович одержал блестящую победу над татарами на р. Воже, и не было веских оснований ожидать от него проявлений душевной слабости. Другое дело 1378 год, когда побед над Мамаем не одерживали, зато было страшное поражение русских полков, в том числе великого князя, на р. Пьяне в 1377 году. Так что, раздумывая, выступать ли против Орды в 1378 г., великий князь мог действительно проявить колебания» (Кучкин, 1992: Эл. ресурс). На наш взгляд, сомнения и страх вполне могли бы родиться в душе военачальника, которому предстояла схватка с сильным и значительным по численности войском, независимо от того, приходилось ли побеждать этого врага в недавнем прошлом или нет. В любом случае вопрос о душевном состоянии князя не имеет однозначного решения и не может считаться серьезным доводом.

«Сама победа, одержанная Дмитрием Ивановичем, решившимся на борьбу с ордынцами после беседы с Сергием, описана в Житии очень лапидарно: “..и побѣдивъ, татары прогна”. Между тем в 1380 г. Мамаю на Куликовом поле был нанесен смертельный удар, от которого он так и не смог оправиться. Иное дело — битва на Воже: после поражения и бегства Бегича Орда сохранила свои силы, и через два года Мамаю снова бросил их на Русь. Оценка “татары прогна” гораздо лучше соответствует ситуации 1378, чем 1380 года» (Кучкин, 1992: Эл. ресурс).

Прежде всего весь рассказ I редакции Жития о встрече благоверного князя и Преподобного Сергия отличается лапидарностью, так что сжатый итог вполне закономерен. К тому же татарское иго после победы на Куликовом поле не закончилось, и этим также может объясняться фраза агиографа «татары прогна».

«Окончательно склоняет отнести встречу Сергия с великим князем к 1378, а не к 1380 г. летописное известие об освящении 1 декабря 1379 г. церкви Успения Богородицы и соответствующего монастыря “на рець на Дубенкѣ на Стромьнѣ”, сооруженных “повѣлением князя великого Дмитрия Ивановича”. Очевидно, что в летописи говорится о том самом монастыре, который князь обязался поставить, если победит Мамаю. А поскольку Успенский Дубенский монастырь был освящен 1 декабря 1379 г., то победу Дмитрия Ивановича над татарами и предшествующую ей встречу его с Сергием надо датировать 1378 годом» (Кучкин, 1992: Эл. ресурс).

Пожалуй, большинство исследователей, для снятия вышеуказанного противоречия писали о существовании в рассматриваемое нами время еще одного монастыря на Дубенке — Успенского Шавыкинского (Макарий, 1866: 188–189; Никон, 2003: 192; Голубинский, 2003: 64–66; Чернов, 1995: 123–182; Борисов, 2003: 176; Аверьянов, 2006: 295; Крючков, 2012: 190). Однако этот аргумент мы не можем считать особенно убедительным по нескольким причинам:

1. Время основания монастыря выяснено очень приблизительно — в диапазоне, составляющем несколько десятков лет. Доказать, что монастырь был основан именно в 1381 году или двумя-тремя годами позже, проблематично, если не сказать невозможно.

2. О монастыре ничего не сообщает Сказание, что выглядит довольно странным, если учесть, как подробно рассказывает оно о событиях, связанных с битвой на Куликовом поле.

3. Довод В.А. Кучкина о том, что трудно объяснить, почему обетный монастырь, основанный после победы в день Рождества Пресвятой Богородицы, получил название Успенский, пока не нашел достойного отражения.

Б.М. Клосс и С.З. Чернов предлагают сходные объяснения названия монастыря, связывая его с тем, что «его (Преподобного Сергия. — *И.Р.*) молитвенное обращение к Богу должно было прийти на дни, близкие празднованию Успения Богородицы (15 августа)» (Чернов, 1995: 149); «Но в Житии ясно сказано, что Дмитрий выступил против Мамаю (т. е. в 1380 г., а на Воже он дрался с Бегичем), что обетный монастырь он решил посвятить Успению Богородицы — значит, молился 15 августа или накануне...» (Клосс, 1, 1998: 58).

На наш взгляд, объяснение принять нельзя, так как, во-первых, нам ничего неизвестно о том, когда именно Преподобный Сергей и благоверный Димитрий Донской первый раз молились о победе над татарами, во-вторых, как утверждает В.А. Кучкин в статье «Антиклоссицизм», «Нельзя также утверждать, как это делает автор “Избранных трудов”, что обетные церкви строились в честь того церковного праздника, который отмечался в день, когда давался обет. Такие церкви назывались по празднику, приходившемуся на день свершения желанного события» (Кучкин, 2003: Эл. ресурс).

Предложим свое объяснение. Автору Жития, создавшему дошедший до нас текст о встрече благоверного Димитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского, было известно, скорее всего из церковного предания, о том, что после победы над татарами князь основал обетный монастырь, однако он ошибочно думал, что произошло это после победы на Куликовом поле и соответственно, рассказывая в Житии о событиях 1380 г., автор необоснованно включил в текст сведения об Успенском Стромьинском монастыре на Дубенке, основанном в 1379 г. За то, что такая ошибка была возможна, говорят некоторые другие исторические неточности и несоответствия, встречающиеся в Житии. Надпись киноварью в Рогожском летописце за 6888 год «О воинѣ и о побоищѣ иже на Вожѣ» (ПСРЛ, 15, 1922: 139) также может служить подтверждением того, что агиограф ошибочно отнес создание обетного монастыря после битвы на Воже к событиям, последовавшим после Куликовской битвы.

Таким образом, можно сделать вывод, что встреча благоверного князя Димитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского в канун Куликовской битвы, условно, была.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверьянов К.А. Сергей Радонежский: личность и эпоха. М., 2006.
Борисов Н.С. Сергей Радонежский. М., 2003.
Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра (репринт издания 1909 г.). СПб., 2007.
Дмитриев Л.А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959.
Дмитриев Л.А. Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959.
Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV — середина XV века. СПб., 1999.
Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
Крючков Т.О. Преподобный Сергей Радонежский и его окружение: Исторический очерк. М., 2012.
Кучкин В.А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. URL: http://annales.info/rus/small/serg_rad.htm.

Кучкин В.А. Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2003. — № 1 (11).

Макарий, архиепископ Харьковский. История Русской Церкви. Т. VI. СПб., 1866.

Никон Рождественский. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского и всея России чудотворца (репринт издания 1904 г.). Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2003.

Полное собрание русских летописей. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897.

Полное собрание русских летописей. Т. 15. 2-е изд. Вып. 1. Рогожский летописец. Петроград, 1922.

Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV — середина XV века. СПб., 1999.

Сказание о Мамаевом побоище (Распространенная редакция) // Повести о Куликовской битве. М., 1959.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л–Я. Л., 1989.

Тихомиров М.Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959.

Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995.

КНЯЗЬ ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ ЩЕНЯТЕВ — ВОЕВОДА СВЯЖСКА (1559–1560). К ВОПРОСУ О СЛУЖЕБНОМ СТАТУСЕ СВЯЖСКОЙ КРЕПО- СТИ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI ВЕКА

Княжеское семейство Щенятевых вело свое родословие от влиятельного дома князей Патрикеевых, на протяжении XV в. занимавших ведущие места в придворной и военной иерархии Московского государства. Родоначальник Щенятевых, князь Даниил Васильевич Щеня Патрикеев, был выдающимся полководцем рубежа XV–XVI вв., доверенным лицом великих московских князей Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533). Его сын Михаил Данилович, первый князь Щенятев, в 1510-х — первой половине 1520-х гг. принадлежал к числу руководителей Боярской думы и неизменно получал почетные воеводские назначения. Внезапная опала князя Михаила около 1523 г. привела к тому, что князья Щенятевы едва ли не на два десятилетия сошли с исторической сцены и не занимали каких-либо административных и военных постов. Лишь в 1541 г., в период «боярского правления» при малолетнем Иване IV, достигшие взрослого возраста сыновья Михаила, князья Василий и Петр Михайловичи, вновь оказались на государственной службе. Василий, видимо, не обладал крепким здоровьем и, за несколько лет дослужившись до боярского чина, умер в расцвете сил (Белов, 2021б). Его младший брат Петр, несмотря на ряд служебных провинностей, смог удержаться у подножия царского трона и вскоре занял видное место в Боярской думе и структуре высшего военного командования. На протяжении 1540–50-х гг. он регулярно бывал воеводой на крымском, казанском, ногайском, шведском «фронтах» (Белов, 2020а: 61–64).

Весной 1559 г. после серии высоких военных назначений П.М. Щенятева отправляют воеводой в крепость Свяжск — важный опорный пункт русского влияния на Средней Волге. Воеводство в Свяжске стало одним из длительных периодов служебной карьеры князя Петра: на этом посту он пробыл около двух лет. «Свяжский след» в биографии П.М. Щенятева весьма заметен. Представляется, что он оказал определенное влияние на дальнейшую жизнь как самого Петра Михайловича, так и, возможно, ряда людей из его окружения, и даже некоторые немаловажные события политической истории 60-х гг. XVI в. А потому, на наш взгляд, этот сюжет требует специального подробного комментария, который мы и постараемся дать в рамках настоящей статьи.

Пересечение судеб: Петр Щенятев и начальная история Свяжска

Крепость Ивангород Свяжский, впоследствии Свяжск, была возведена по приказу молодого царя Ивана IV в ходе русско-казанских войн весной-летом 1551 г. Расположенный на Круглой горе в месте слияния рек Свяги и Волги новый град должен был способствовать упрочению русской власти на Горной (правобережной) стороне Казанского ханства, а впоследствии стать перевалочной базой русских войск при решающем походе на Казань.

Три эпизода служилой биографии П.М. Щенятева неразрывно связаны с основанием и первыми годами жизни Свяжска. Не исключено, что они в какой-то мере могли способствовать позднему назначению князя Петра на свяжское воеводство.

Первый из них не зафиксирован прямо ни в одном из известных источников, но гипотетически весьма возможен. В последних числах февраля 1550 г. после неудачной попытки взятия Казани царь Иван IV, отступая с войсками по направлению к Нижнему Новгороду, остановился на ночлег близ устья р. Свяги. На состоявшемся тогда же воинском совете было принято решение о строительстве в этом месте русской крепости.

Историк Д.А. Мустафина небезосновательно полагает, что одним из членов данного совещания был князь П.М. Щенятев (Мустафина, 2014: 52). Действительно, по словам официальной летописи, на совете помимо самого царя Ивана присутствовали касимовский хан Шах-Али, а также воеводы и перешедшие на сторону Москвы казанские «князья», «которые были с ним (Иваном IV. — Н.Б.) у города у Казани» (ПСРЛ, 1965: 59; ПСРЛ, 1904: 160; ПСРЛ, 1914: 477)¹. В разрядном списке казанского похода 1549/50 г. князь П.М. Щенятев назван среди первых бояр, сопровождавших царя Ивана IV: «бояре князь Иван Федорович Мстисловской, князь Петр Михайлович Щенятев, князь Семен Иванович Микулинской...» (Разрядная книга, 1966: 122). Двое из названных вельмож, князья И.Ф. Мстиславский и С.И. Микулинский, исполняли в походе должности дворовых воевод, то есть командующих Государевым полком (Разрядная книга, 1966: 122). Князь П.М. Щенятев воеводского поста не имел и, вероятно, в таком случае выступал в роли главы царской свиты. Следовательно, его участие в совете, на котором решался судьбоносный вопрос о строительстве Свяжской крепости, представляется весьма возможным.

Пятнадцать месяцев спустя судьбы Петра Щенятева и свияжского города едва не пересеклись вновь. В апреле 1551 г. к устью р. Свяги была послана пятиполковая рать. Она должна была обеспечить безопасность строительства Свяжска и способствовать скорейшей присяге местного черемисского населения. Официальный разряд свияжского похода имени П.М. Щенятева не содержит (Разрядная книга, 1966: 131). В то же время, выявленная нами в рукописном сборнике Национальной библиотеки разрядная запись частного происхождения с большой долей вероятности позволяет утверждать, что, согласно первоначальному замыслу военного командования, в этом военном предприятии Щенятев должен был возглавить важное оперативное соединение — Передовой полк (РНБ. Q.IV.86. Л. 168 об.). Внезапное изменение внешнеполитической ситуации — усиление крымской угрозы на южных рубежах страны — привело к тому, что талантливый военачальник Петр Щенятев был оставлен с войском в приграничной крепости Зарайск. Вместо Петра Михайловича в свияжскую экспедицию правительство направило его ближайшего родича, троюродного брата, князя П.А. Куракина Булгакова (Белов, 2019: 106). Первоначальное назначение П.М. Щенятева в свияжский поход вполне может быть поставлено в прямую связь с его вероятным присутствием на упомянутом совете февраля 1550 г. Так, во главу посланной на р. Свягу русской армии был «разряжен» один из руководителей февральского совета — служилый хан Шах-Али, а первым свияжским воеводой назначен другой несомненный участник совещания, князь С.И. Микулинский (ПСРЛ, 1965: 59; Разрядная книга, 1966: 131).

Несмотря на кадровую перестановку весны 1551 г., П.М. Щенятеву в скором времени все же удалось побывать в уже отстроенном Свяжске. Летом 1552 г. начался грандиозный поход на Казань, завершившийся победоносным взятием татарской столицы. Во время похода, осады и штурма Казани князь Петр руководил полком Правой руки (Разрядная книга, 1966: 135–137). 13 августа выступившая из Муромы царская армия остановилась на отдых в Свяжской крепости. На протяжении трех дней войско набирались сил перед последним марш-броском по направлению к Казани (ПСРЛ, 1965: 93–94). Младший «товарищ» (заместитель) П.М. Щенятева, князь Андрей Курбский, в своем позднейшем сочинении особо отметил красоту и величие новооснованной твердыни на Свяге: по его словам, это был «воистинну зело прекрасный град» (Андрей Курбский, 2015: 34).

Таким образом, к моменту своего назначения воеводой в Свяжск князь П.М. Щенятев уже был причастен к некоторым эпизодам начальной истории этого города,

---

¹ В Царственной книге 1560–70-х гг. текст отредактирован: рассказ о совете отсутствует, а идея основания Свяжска тенденциозно приписана одному царю Ивану (ПСРЛ, 1906: 461–462).

вероятно, имел самое непосредственное отношение к его основанию и, будучи участником Казанских походов, неплохо знал политико-географическую специфику региона.

Воевода Свияжской крепости (1559–1560)

В 7067 (1558/59) г. Петр Щенятев становится первым («большим») воеводой Свияжска (Разрядная книга, 1966: 177; Разрядная книга, 1975: 81). Время прибытия князя Петра в крепость достоверно неизвестно. Однако его возможно установить, хотя бы и приблизительно. Новейшие разыскания Л.П. Горюшкиной убедительно показывают, что годовые назначения воевод в тот или иной город чаще всего были привязаны к определенному дню церковного календаря (Горюшкина, 2018). В 1555 г. новый свияжский воевода князь М.И. Воротынский вступил в должность на день Николая Вешнего (9 мая); тогда же произошла смена воевод «на годованье» и в Казани (Разрядная книга, 1966: 152)¹. В другие годы разрядные записи отмечают воеводские назначения в Казань и Свияжск в апреле или мае, без указания точного дня (Ермолаев, 1982а: 69–71)². Исходя из этого можно утверждать, что князь П.М. Щенятев скорее всего заступил на свой пост где-то во второй половине весны 1559 г.

Помимо самого Петра Щенятева в состав военной администрации Свияжска вошли еще шестеро служилых людей: воеводы Д.М. Плещеев, князь М.А. Приемков Ростовский, князь И.М. Куракин Булгаков, князь П.Б. Ромодановский, «городничие в приказе» князь Т.Ф. Пожарский, Д.Т. Порховский (Разрядная книга, 1966: 172; Разрядная книга, 1975: 81).

Что означало для князя Щенятева назначение в Свияжск и как оно соотносилось с его предшествующим «послужным списком»? Этот немаловажный вопрос напрямую связан с проблемой определения статуса свияжского воеводства, его места в неформальной «городовой иерархии» Московского царства.

В соответствии с укоренившейся в XVI в. традицией, служебный уровень назначаемых в тот или иной город наместников или воевод должен был соответствовать статусу самого города (Богомазова, Володихин, 2018; Белов, 2020б). Последний мог изменяться с течением времени — в зависимости от конкретных внешне- и внутривосточных обстоятельств (Аксаньян, 2020). Для Свияжска в этом отношении важным рубежом стал 1565 год. По сообщению разрядной книги, «тово же году послал государь в своей государской опале князей Ярославских и Ростовских и иных многих князей и дворян и детей боярских в Казань и в Свияжской город на житье...» (Разрядная книга, 1982: 196). Исследователи солидарны в том, что с введением в январе 1565 г. опричного режима и ссылкой в Казанский край нескольких десятков князей и дворян военно-административные посты в Свияжске и Казани стали местом «почетного» полуопального пребывания неугодных аристократов (Зимин, 1964: 140; Скрынников, 1966: 295)³. Воеводский же статус Свияжска в доопричный период является предметом дискуссии.

В научной литературе неоднократно высказывалось мнение, согласно которому свияжское воеводство в 1551–1565 гг., несмотря на свое важное военно-стратегическое

¹ См. об этом: Горюшкина, 2018: 34.

² И.П. Ермолаев полагает, что в Казани и Свияжске «смена воевод обычно происходила осенью, а указ царя об этом (так называемая роспись воевод по городам) составлялся весной, чаще всего в мае» (Ермолаев, 1982б: 39). Отмеченный Ермолаевым временной разрыв в четыре-пять месяцев между назначением воевод и вступлением их в должность по источникам не прослеживается. Так, например, князь М.И. Воротынский в 1555 г. служил в Свияжске «от Николина дни вешнего [9 мая] до Дмитреева дни [26 октября]» (Разрядная книга, 1966: 152). Гипотеза Ермолаева требует дополнительного обоснования.

³ Сомнения на этот счет были высказаны В.Б. Кобриным и Е.В. Липаковым (Кобрин, 1985: 153–155; Липаков, 1989: 62), однако они не нашли серьезной поддержки в академической среде (Скрынников, 1992: 246–247; Корзинин, 2016: 288, 313).

значение, было в общем-то довольно периферийным и едва ли не ущербным местом службы для представителей высшей боярской аристократии. Так, например, комментируя назначение в 1561 г. первым свияжским воеводой боярина князя А.И. Катырева Ростовского, А.В. Сергеев осторожно предположил, что, «возможно, это была почетная ссылка» (Сергеев, 2014: 129). Сходную точку зрения отчасти разделяет Д.М. Володихин. Отмечая чрезвычайную важность, трудность и опасность воеводской службы в Свияжске (Володихин, 2014: 156, 157, 159, 186–187), историк неоднократно пишет о недостаточности высокой статусности этого поста. Присылка «на годованье» в Свияжск в 1554 г. князя М.И. Воротынского расценивается им как свидетельство того, что князю «в высшей степени доверяли», но в то же время «не особо берегли», он не входил в круг «государевых любимцев» (Володихин, 2011а: 77; Володихин, 2014: 187; Володихин, 2020: 212). Появление в 1556 г. в городе видного «думца» И.П. Федорова-Челяднина Володихин также не склонен считать проявлением царской милости, поскольку подобная должность «для боярина — незавидное назначение» (Володихин, 2008: 76; Володихин, 2011а: 76; Володихин, 2014: 229).

В последнее время в специальных работах все чаще звучит обратное утверждение — о высоком служебном статусе свияжского воеводства. Недавно Д.А. Мустафина обратила внимание на то, что в 1550-х гг. число свияжских воевод (обыкновенно пятеро, не считая «городничих») равнялось числу казанских; кроме того, первые воеводы Свияжска нередко занимали аналогичные должности в самой Казани (Мустафина, 2014: 52–53)¹. Другой исследователь, К.Э. Аксаныян, перечисляя города, занимавшие в XVI в. «высшую ступень» в городской иерархии, поместил Свияжск в один ряд с ведущими центрами воеводского управления: Великим Новгородом, Псковом, Смоленском и Казанью (отметив при этом, что он являлся таковым «относительно недолго») (Аксаныян, 2020: 5).

Не вдаваясь в дискуссию о воеводском статусе Свияжска в годы опричнины и Особого двора царя Ивана IV, рассмотрим социальный состав его городских воевод в доопричный период. Наиболее подробный на сегодняшний день перечень свияжских воевод и дьяков составлен казанским историком-архивистом И.П. Ермолаевым. Основываясь на этом перечне, приведем хронологический реестр первых («больших») воевод Свияжска с указанием их места в ранжированном боярском списке Дворовой тетради 1550-х гг. (далее по тексту — ДТ)²:

- князь С.И. Микулинский, боярин, в списке ДТ 23-й;
- князь П.И. Шуйский, боярин, в списке ДТ 13-й;
- князь М.И. Воротынский, служилый князь (в ДТ не указан);
- князь В.С. Серебряный Оболенский, боярин, в списке ДТ 26-й;
- И.П. Федоров, боярин, в списке ДТ 29-й;
- князь А.И. Ногтев Суздальский, боярин, в списке ДТ 60-й;
- князь П.М. Щенятев, боярин, в списке ДТ 3-й;
- князь А.И. Катырев Ростовский, боярин, в списке ДТ 51-й.

Как можно видеть, в промежутке с 1551 по 1564 гг. включительно пост первого воеводы Свияжска неизменно занимали представители родовой аристократии с боярским чином (исключение составляет лишь М.И. Воротынский, имевший статус служилого князя, фактически равный боярскому). Чаще всего свияжскими воеводами становились бояре второго-третьего порядка. Пятеро из них (князья С.И. Микулинский, П.И. Шуйский, М.И. Воротынский, А.И. Ногтев, П.М. Щенятев) принадлежали к военной элите — кругу лиц, на постоянной основе или наиболее часто занимавших ведущие

¹ Регулярные переводы воевод из Свияжска в Казань и наоборот отмечены в исследовании: Аксаныян, 2021: 63, 84, 130, 156.

² Сост. по: Ермолаев, 1982а: 69–72; Тысячная книга, 1950: 111–113.

посты в воеводском корпусе страны (Володихин, 2011б: 64–65). Двое аристократов последовательно занимали посты первых воевод Свияжска и Казани в близкие годы, с небольшим временным промежутком: князь С.И. Микулинский в 1551 и 1557 гг., князь П.И. Шуйский в 1552/3 и 1555/6 гг. соответственно (Ермолаев, 1982а: 28–30), причем эти периоды пришлись на пик их политических карьер (Зинько, 2012: 75–77; Солодкин, 2010: 270).

Из 43-х прочих («малых») городовых воевод шестеро, то есть 14 %, имели думный чин (бояре князь П.С. Серебряный Оболенский, князь И.В. Горенский, И.М. Воронцов; окольные С.Д. Пешков, Д.М. Плещеев, А.А. Бутурлин), остальные преимущественно были выходцами из княжеско-боярских аристократических родов: князей Ромодановских, Морозовых, Салтыковых, князей Звенигородских, князей Троекуровых, князей Межецких, князей Кашиных Оболенских, князей Щепиных Ростовских, князей Палецких, князей Токмаковых и др. (Павлов, 1992: 17–18; Володихин, 2011б: 67–69). Из тех же родов в значительной степени рекрутировались и казанские воеводы.

В целом, социальный состав свияжской и казанской военной администраций в рассматриваемый период был весьма сходен, а сам Свияжск на протяжении первых полутора десятилетий существования по своему служебно-местническому статусу ненамного уступал самой Казани.

Таким образом, назначение князя П.М. Щенятева — одного из ведущих думских бояр — первым воеводой Свияжска едва ли можно рассматривать как «понижение по службе». Этот пост, как мы уже заметили, был в ту пору весьма почетен и вполне сообразен с прежним служебным уровнем князя Петра Михайловича. Будучи записанным на третьем месте в боярском списке Дворовой тетради, Петр Щенятев занимал наиболее высокое положение в *придворной иерархии* из всех свияжских воевод доопричного периода. Однако сам по себе этот факт ни коим образом не свидетельствует об опале Щенятева. Такое предположение отпадает при сравнении позиций, занимаемых князем П.М. Щенятевым и другими казанскими воеводами доопричного времени, в *местнической иерархии* Русского царства. Так, первые воеводы Свияжска князь П.И. Шуйский (в ДТ 13-й) и М.И. Воротынский (в ДТ нет) имели с Щенятевым примерно равные местнические позиции при назначении в полки и на воеводские должности в другие города. Кроме того, князь М.И. Воротынский местничал с князьями П.М. Щенятевым и П.И. Шуйским, то есть считал себя по меньшей мере их ровней (ПСРЛ, 1906: 445; Описи, 1960: 43; подробно см.: Белов, 2022б); дальний младший родич князя П.И. Шуйского, Иван Андреевич, также «бил челом» на Щенятева, «что ему быти невместно» (Разрядная книга, 1966: 223–224; подробно см.: Белов, 2021в). Еще один свияжский воевода, князь С.И. Микулинский, занимал военные и административные посты, вполне сопоставимые с уровнем служебных назначений Щенятева и пользовался безусловным расположением со стороны царя Ивана IV (Зинько, 2012; Володихин, 2020: 236–269). Итак, не только боярский статус, но местнический ранг князя П.М. Щенятева позволял ему занимать пост воеводы Свияжска без какого-либо урона для родовой «чести»¹. Весьма симптоматично, что той же весной первым воеводой Казани был «разряжен» троюродный брат Щенятева, престарелый князь Ю.М. Голицын Булгаков, происходивший из старшей ветви рода Патрикеевых и, хотя и уступавший Петру Щенятеву по служебному положению, однако же

---

¹ В этом князь П.М. Щенятев разительно отличался от стоявших выше него в Думе других князей Гедиминовичей — И.Д. Бельского и И.Ф. Мстиславского. Последние в силу своего высокого происхождения неизменно выступали в роли старших бояр и воевод, а потому не имели возможности надолго покинуть столицу, см. о них: Володихин, 2011б: 59; Володихин, 2014: 76–133; Преснякова, 2015; Володихин, 2020: 236–269. Для этих аристократов назначение в Свияжск было бы актом величайшей немилости, но — не для князя Петра Щенятева, занимавшего высокие, однако же не наивысшие места в придворной и военной иерархии.

пребывавший на службе много дольше его и имевший в своем «активе» куда большее число военных и административных назначений (Разрядная книга, 1966: 177).

Петр Щенятев прибыл в Свяжск в относительно спокойное время его истории. Сразу после покорения Казани в 1552–1557 гг. на территории Свяжского уезда шли ожесточенные боевые действия с отрядами восставших против русского господства татарских мирз и черемисских старейшин. После разгрома повстанцев военная угроза существенно ослабла, но полностью не была ликвидирована. Она продолжала исходить от враждебного Москве Крымского ханства, правители которого не могли смириться с утратой контроля над Казанью и организовывали глубокие вооруженные рейды на принадлежавшие России казанские земли. За год до приезда П.М. Щенятева в Свяжск, в июле 1558 г. «приходили крымцы на Горнюю сторону войною» (ПСРЛ, 1906: 305). В апреле 1559 г., когда князь Петр, вероятно, уже должен был достичь Свяжска, с «Поля» пришла весть о разгроме отряда крымских татар, «а хотели ити под Казанские места войною» (ПСРЛ, 1906: 318).

Князь П.М. Щенятев пробыл в Свяжске почти два года. Заступив на этот пост весной 7067 (1559) г., на будущее «лето» он также был оставлен на свяжском «годованье» (Разрядная книга, 1981: 85). По всей видимости, Петр Михайлович оставался воеводой Свяжска вплоть до конца 1560 — начала 1561 г. Весной 1561 г. разряды фиксируют Петра Щенятева на р. Оке в привычной для него должности командующего Передовым полком в «береговой» армии князя И.Д. Бельского (Разрядная книга, 1981: 90).

О какой-либо деятельности П.М. Щенятева на посту первого воеводы Свяжска неизвестно. Два года воеводства Щенятева — время затишья и относительно мирной жизни Свяжского уезда. Насколько позволяют судить источники, боевых столкновений с крымскими татарами и местной черемисой в указанное время не происходило, а если они и случались, то, видимо, носили сугубо локальный характер и не нашли отражения в известных источниках — ни в летописях, ни в воинских разрядах.

Впрочем, определенный след в истории Свяжского края князь Петр Щенятев все же оставил. Более чем за три года до приезда Петра Михайловича в Свяжске была учреждена архимандрития. Прибывший из Москвы владыка Герман (Садырев Полев) стал первым настоятелем Свяжского Успенского Богородицкого монастыря — крупнейшего миссионерского центра «горного» волжского правобережья. Период воеводства Щенятева в Свяжске совпал со временем наиболее активного строительства городской обители. 12 сентября 1560 г. в монастыре прошла церемония освящения белокаменного Успенского собора — главной духовной доминанты Свяжска (Кочетков, 1980: 373). Можно полагать, что князь Петр Щенятев состоял в хороших отношениях с архимандритом Германом. В синодике Свяжского Успенского монастыря сохранилась поминальная запись «Рода князь Петра Михайловича Щенятева», следовательно, Петр Щенятев был вкладчиком этой обители (Синодики, 2016: 118). Вклад в монастырь он, надо полагать, совершил в двухлетний срок своей службы на посту свяжского воеводы. Датировку этого вклада можно уточнить: он был достоверно совершен до 29 октября 1560 г., когда скончалась сестра князя Петра, княгиня-инокиня Ксения-Ефросинья¹.

---

¹ Эта дата выводится путем сопоставления двух источников: вкладной книги Московского Симонова монастыря и синодика Свяжского Успенского монастыря. Один корм «по душе» княгини Ксении в Симоновом был установлен на ее именины 24 января, второй, вероятно, на ее преставление 29 октября (Вкладная, 2006: 54). В синодике Свяжского монастыря имя Ксении отсутствует, в Симоновской вкладной под 7069 (1560/61) г. оно уже есть (Вкладная, 2006: 53–54). Учитывая, что князь П.М. Щенятев пробыл в Свяжске с весны 7067 (1558/59) по осень-весну 7069 (1560/61) г., выходит, что его сестра Ксения-Ефросинья скончалась 29 октября 1560 г.

Последствия: прямые и косвенные

Пробыв в Свияжске два года, князь П.М. Щенятев вновь вернулся в столицу и продолжил свою военно-политическую карьеру. В Среднем Поволжье он более не появлялся. Пять лет спустя, вскоре после учреждения опричнины, Петр Михайлович открыто выступил против репрессивных мероприятий царя Ивана IV и принял добровольный постриг в Ростовском Борисоглебском монастыре под именем старца Пимена. Еще через два с половиной года, летом 1568 г., в разгар опричного террора Пимен Щенятев был взят из монастыря и до смерти замучен по приказу Ивана Грозного (Белов, 2020а: 64–65)¹.

Можно сделать осторожное предположение, что демонстративное неприятие князем Петром Щенятевым опричной политики могло отчасти повлиять и на мнение о ней его несомненного свияжского собеседника Германа (Садырева Полева). К тому моменту Герман взошел на казанскую архиепископскую кафедру, заняв таким образом третье — после всероссийского митрополита и новгородского архиепископа — место в иерархии Русской церкви. Осенью 1567 г., почти через два года со времени пострига Петра Щенятева, он горячо поддержал митрополита Филиппа, выступившего против дальнейшего «углубления» опричной политики. Событие это весьма туманно: его обстоятельства по-разному отражены в источниках и осмыслены в исторической литературе (Белов, 2021а; Белов 2022а). Недавно О.В. Панченко поставил под сомнение факт *совместного* демарша Германа Казанского и Филиппа против опричнины, поскольку сведения о нем сохранились только в поздней «украшенной» Тулуповской редакции Жития Филиппа (Панченко, 2021: 218; Панченко, 2022: 137). Тем не менее, протест Германа отразился в двух независимых и очень разных по происхождению источниках — «Истории...» Курбского (Андрей Курбский: 178, 180) и Жития Филиппа (Лобакова, 2006: 185; Панченко, 2022: 191)², а потому скорее всего состоялся в действительности, хотя бы и в другое время и при других обстоятельствах. На смелый поступок архиепископа Германа, разумеется, могло оказать влияние множество факторов. В том числе — его некогда тесное общение с князем Щенятевым и последующие контакты с пребывавшими в Казани на положении ссыльных опальных троюродными родичами князя Петра, князьями И.А. и П.А. Куракиными Булгаковыми.

Служба князя П.М. Щенятева в Свияжске, а также неоднократные назначения воеводой в Казань его троюродного брата князя Ю.М. Голицына Булгакова заложили традицию регулярной посылки в Казанский край представителей княжеского дома Патрикеевых. В период с 1564 по 1586 г. воеводами Казани, с небольшими перерывами, служили князья И.А., П.А. и Г.А. Куракины Булгаковы (Ермолаев, 1982а: 30–33). В 1601–1605 гг. первым воеводой в Казани пребывал князь И.И. Голицын Булгаков³.

---

¹ Вычисленная нами дата смерти Щенятева подтверждается еще одним источником: в синодике Троице-Сергиева монастыря «князь инок Пимин Михайлович Щенятев» записан под 7076 (1567/68) г., рядом с именами князя Д.Ю. Сицкого и дьяка И.Г. Выродкова, казненных в 1568 г. по «делу» боярина И.П. Федорова-Челяднина (РГБ. Ф. 304/III. Тр.-Серг. № 25. Л. 89 об.).

² Житие Гурия и Варсонофия Казанских о протесте Германа не сообщает (Творения, 1912: 40–41), что можно связать с запретом открытого осуждения опричнины в годы царя Федора (Белов, 2022в: 37). Позднейшее Житие Германа Казанского передает событие в искаженном виде (РНБ. СПбДА. А.П.12. Л. 94 об.–95), подробно: Белов, 2021а: 150–154.

³ И.П. Ермолаев ограничивает время службы князя Ивана Голицына периодом с 7110 (1601/2) по 7112 (1603/4) гг., допуская, что он мог остаться воеводой и в 7113 (1604/5) г., возможно до весны 1605 г. (Ермолаев, 1982а: 35). Эту датировку можно уточнить. В Кратком Казанском летописце стольника Н.А. Кудрявцева князь И.И. Голицын показан казанским воеводой в 7113 (1604/5) г. (РГБ. Ф. 228. Пискарев. № 185. Л. 284 об.). Последний раз он упомянут в этой должности в грамоте царя Бориса Годунова от 5 февраля 1605 г. (ГАУО. Ф. 732. Оп. 3. № 2. Л. 1).

Вместе эти наблюдения в очередной раз подчеркивают важность избранного нами для изучения сюжета — свияжского воеводства князя Петра Михайловича Щенятева.

События жизни князя П.М. Щенятева, связанные с историей г. Свияжска

1550, февраль — вероятное участие в военном совете об основании крепости на Круглой горе в устье р. Свияги.

1551, ранняя весна — назначение 1-м воеводой Передового полка в поход на земли Казанского ханства с целью строительства Свияжска; в походе не участвовал.

1552, август — 1-й воевода полка Правой руки царской армии в Казанском походе; трехдневная остановка в Свияжске перед последним марш-броском к Казани.

1559, весна — назначение «большим» воеводой Свияжска.

1559/60 — совершение вклада в Свияжский Успенский Богородицкий монастырь.

1560, весна — продление полномочий «большого» свияжского воеводы.

1560, конец / 1561, начало — завершение воеводской службы в Свияжске.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ГАУО. Ф. 732. Симбирская губернская ученая архивная комиссия. Оп. 3. № 2. Указная грамота царя Бориса Годунова казанским воеводам кн. И.И. Голицыну и В.Я. Кузьмину, 5 февраля 1605 г.

РГБ. Ф. 228. Собрание Д.В. Пискарева. № 185. Сборник исторический, 1720-е гг.

РГБ. Ф. 304/III. Собрание ризницы Троице-Сергиевой лавры. № 25. Синодик Троице-Сергиева монастыря 1575 г.

РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги. Q.IV.86. Сборник разрядно-родословный, последняя четверть XVII в.

РНБ. Ф. 573. Собрание СПбДА. А.П.12. Монографический агиосборник, посвященный св. Герману Казанскому, 1660-е гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аксаньян К.Э. К вопросу о статусе городских воеводских назначений в конце XV — начале XVII в. (по разрядным записям назначений в Великие Луки) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 4.

Аксаньян К.Э. Военно-служилая деятельность князей Шуйских в зеркале разрядных источников (1560-е гг. — 1610 г.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021.

Андрей Курбский. История о делах великого князя московского / Изд. подг. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеев. М., 2015.

Белов Н.В. Неизвестное боевое назначение князей Петра Щенятева и Андрея Курбского // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019.

Белов Н.В. Князья Щенятевы — воеводы Московского государства XVI в. // Историческое обозрение. Вып. 21. М., 2020.

Белов Н.В. Князья Щенятевы — наместники Великого Устюга XVI века. К вопросу о статусе устюжского наместничества в правление Василия III и Ивана IV // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2020. № 4 (19).

Белов Н.В. Антипричное выступление Германа Казанского: Исторические реалии и их интерпретации // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021. № 2.

Белов Н.В. Князь Василий Михайлович Щенятев, боярин и воевода времени «боярского правления» // Материалы и исследования по истории России. Вып. 15. Нижневартовск, 2021.

- Белов Н.В. О причинах местнического конфликта князя И.А. Шуйского с князьями П.М. Щенятевым и И.И. Пронским накануне Болховского похода 1565 года // *Окно в Европу: Сборник статей памяти доктора исторических наук Татьяны Александровны Лаптевой (1955–2018)*. М., 2021.
- Белов Н.В. Был ли убит казанский архиепископ Герман (Садырев-Полев)? // *Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации*. Т. 4. СПб., 2022.
- Белов Н.В. Об одной приписке на полях Царственной книги (новое о местническом «деле» князей П.М. Щенятева, К.И. Курлятева и М.И. Воротынского в декабре 1544 г.) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2022. № 2.
- Белов Н.В. Особенности поминания митрополита Филиппа (Колычева) в XVI–XVII вв.: когда состоялась реабилитация опального святителя? // *История России, русской культуры и русской церкви в IX–XVIII столетиях. Материалы Всероссийской конференции IV научные чтения памяти профессора В.А. Плугина*. М., 2022.
- Богомазова А.А., Володихин Д.М. К вопросу о роли Соловков как военного форпоста России в XVI веке. Первые военачальники Соловецкие — оценка их статуса в исследовательской литературе // *Историческое обозрение*. Вып. 19. М., 2018.
- Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подг. А.И. Алексеев, А.В. Маштафаров // *Вестник церковной истории*. 2006. № 3.
- Володихин Д.М. Военная элита Московского государства при Иване IV // *Историческое обозрение*. Вып. 9. М., 2008. С. 67–86.
- Володихин Д.М. Отважный «кунктатор»: Князь Михаил Воротынский на степных рубежах России // *Родина*. 2011. № 4. С. 76–77.
- Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011.
- Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2014.
- Володихин Д.М. Полководцы Московского царства. М., 2020.
- Горюшкина Л.П. Воеводские назначения в правление Ивана IV по материалам «Государева разряда»: выбор дней // *Человеческий капитал*. 2018. № 7 (115).
- Ермолаев И.П. Список воевод и дьяков городов, подведомственных Приказу Казанского дворца (Поволжско-Приуральский регион) // Он же. Государственное управление Средним Поволжьем во второй половине XVI–XVII вв. Дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 1982. Приложение.
- Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII вв. (управление Казанским краем). Казань, 1982.
- Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
- Зинько М.А. «Не человек, но агел Божий»: опыт изучения биографии князя Семена Ивановича Микулинского // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2012. № 1 (47).
- Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
- Корзинин А.Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М.; СПб., 2016.
- Кочетков И.А. Росписи Успенского собора Свяжска. Реставрация и исследование // *Древнерусское искусство: Монументальная живопись XI–XVII вв.* М., 1980.
- Липаков Е.В. Дворянство Казанского края в конце XVI — первой половине XVII в. Формирование. Состав. Служба. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1989.
- Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006.
- Мустафина Д.А. Социальная стратификация города Свяжска во второй половине XVI — первой половине XVII в. // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. 2014. № 1.
- Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960.

- Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.
- Панченко О.В. Житие митрополита Филиппа: Нерешенные вопросы истории текста // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 68. СПб., 2021.
- Панченко О.В. О Тулуповской редакции Жития митрополита Филиппа и ее авторе, соловецком иноке Варфоломее Коноплеве // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Т. 4. СПб., 2022.
- Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1904.
- Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906.
- Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 2. Львовская летопись. СПб., 1914.
- Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965.
- Преснякова Л.П. Служилая биография воеводы XVI столетия князя И.Д. Бельского // Русская военная элита. Сборник материалов научной конференции. Севастополь, 2015.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. В.И. Буганов; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1966.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1 / Сост. Н.Г. Савич; под ред. В.И. Буганова. М., 1981.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2 / Сост. Н.Г. Савич; под ред. В.И. Буганова. М., 1982.
- Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1 / Сост. Л.Ф. Кузьмина; отв. ред. В.И. Буганов. М., 1975.
- Сергеев А.В. Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI — начале XVII века: князья Ростовские и Ярославские. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.
- Синодики Свяяжского Успенского Богородицкого монастыря / Сост., авт. предисл. Э.И. Амерханова; науч. ред. И.П. Ермолаев. Казань, 2016.
- Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966.
- Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.
- Солодкин Я.Г. Князь П.И. Шуйский — герой и неудачник Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV — XVI в.: Сб. науч. статей. М., 2010.
- Творения святейшего Гермогена патриарха Московского и всея России. М., 1912.
- Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печ. А.А. Зимин. М.; Л., 1950.

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ»**

21 апреля 2022 года кафедры культурного наследия и истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры провели Всероссийскую научную конференцию «Культурное наследие: религиозно-философский аспект» в зале ученых советов МГИК.

Целью встречи стало научное освоение аспектов православия в образовании и культуре. Содержание докладов касалось, главным образом, историко-философских вопросов и было посвящено обсуждению проблем теории и методов исторического исследования. В частности, участники конференции затронули в своих выступлениях использование в историко-культурологических исследованиях таких категорий как «культурное наследие» (дискуссия разгорелась вокруг содержания этого понятия), «фактор православия в русской истории» а также вопроса о том, до какой степени конфессиональная ортодоксия может быть положена в основу платформы теоретико-познавательных методов работы современного историка.

Участники конференции единодушно сделали выводы:

1. О необходимости расширенного, по сравнению с сегодняшним днем, отражения христианской традиции и христианских ценностей в исследованиях по русской истории и культуре, а также в учебных пособиях по данным предметам, используемым на вузовском уровне.
2. О том, что вне контекста христианской традиции исследование культурного наследия русского народа, Российского государства и Русской цивилизации в принципе невозможно.

Среди выступающих:

1. Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, проректор по научной работе МГИК, заведующий кафедры литературы и лингвистики
2. Решетников Леонид Петрович, кандидат исторических наук, заведующий кафедры истории и исторического архивоведения, доцент
3. Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, заведующий кафедры культурного наследия Московского государственного института культуры, профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
4. Алексеев Сергей Викторович, профессор кафедры истории и исторического архивоведения, доктор исторических наук, председатель Историко-просветительского общества «Радетель».
5. Боронина Елена Германовна, кандидат педагогических наук, заместитель заведующего кафедры культурного наследия, доцент, президент Российского национального комитета Европейской фольклорной культурной организации (EFCSO)
6. Смолин Михаил Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и исторического архивоведения
7. Елисеева Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и исторического архивоведения.
8. Музафаров Александр Азизович, старший преподаватель кафедры культурного наследия МГИК, директор просветительских и образовательных программ Фонда исторической перспективы.
9. Федотовская Ольга Александровна, доцент кафедры этномузыкологии ВолГУ, доцент кафедры культурного наследия МГИК.

В конференции приняло участие около 30 преподавателей и учащихся.

В рамках конференции состоялась презентация монографии Д.М. Володина и Д.М. Михайловича «Московское государство: процессы колонизации в XVII — XVIII веках».

Д.М. Володин

**ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ»
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА
К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПРОЦЕССУ**

В наши дни очень много говорят о «культурном наследии» как о некоей духовной подпорке России или, иначе, как о сумме «духовных якорей» нашей страны. Но чаще всего само государство составляет реестр «памятников» культурного наследия, в первую очередь архитектурных памятников, и лишь потом общество в лице философов, культурологов, публицистов медленно, надолго отставая от государственных нормативных документов, формулирует определения: что такое культурное наследие и почему в него надо включать тот или иной объект...

Иначе говоря, социум пытается догнать управленцев, осмыслить и откомментировать их решения, но пока что вязнет в спорах и уточнении деталей. Ясности нет.

Так что же все-таки считать культурным наследием?

Понятие «культурное наследие» следует связывать с понятиями «цивилизация» и «цивилизационный подход к мировой истории».

Категория «цивилизация» разрабатывается на протяжении многих поколений историков, социологов, культурологов. Итак, отдельная цивилизация представляет собой:

Во-первых, самостоятельный организм (Володихин и др., 2006: 20–25). Организм хотя и общественный, но во многом подобный биологическому, т.е. со своими хворями, возрастными проблемами, молодостью, зрелостью, старостью и, разумеется, со своим естественным сроком жизни (1000–1500 лет по мнению разных «цивилизационщиков»). Каков срок может прерваться и раньше. От рук агрессивных соседей, например, или из-за природной катастрофы.

Во-вторых, отдельная цивилизация — совершенно самостоятельный и независимый субъект истории. Нет цивилизаций «отставших» или «обгоняющих», нет никакой «лидирующей группы» на мифическом едином пути человечества. Цивилизации в принципе равны и самоценны; каждая из них совершает свой путь — один из многих маршрутов, которыми идет человечество. Это чуть ли не ключевой момент в традиционном, классическом понимании цивилизационного подхода. «Прогресс... состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития», — писал Николай Яковлевич Данилевский (Данилевский, 1991: 109). Концепт равенства цивилизаций исключительно важен и в его рамках полностью отрицается всякая попытка указать «магистральную линию прогресса», «параметры модернизации», «общечеловеческие ценности», «паттерны социального развития, к которым надо стремиться всем». Списки цивилизаций неоднократно составлялись. Например, Данилевским, Леонтьевым, Шпенглером, Тойнби, Гумилевым, Хантингтоном и т.п. Реестры «культурно-исторических типов», выражаясь языком Данилевского, расходятся в частности, но ядро у них во всех случаях одно. Само их появление свидетельствует о негативном отношении сторонников цивилизационного подхода к идее общего, единого всемирно-исторического процесса. Они отрицают линейный прогресс, какую бы траекторию не принимала эта линия. Им даже в самой малой степени не присуща гегельянская модель истории человечества. Мировой исторический процесс, в рамках которого

самостоятельно живут и развиваются разные самостоятельные цивилизации, можно уподобить клумбе, где каждый цветок самоценен и уникален. Любой такой цветок-цивилизация в религиозном, культурном, социальном, политическом отношении вполне автономна, но не закрыта от внешних влияний. С этой точки зрения Русская цивилизация не может считаться ни «отстающей», ни «догоняющей». Она сама по себе.

В-третьих, отдельная цивилизация — наивысший таксон (классификационная единица) исторического процесса. История человечества измеряется судьбами цивилизаций. Не династиями, не историями народов или государств, не этапами в совершенствовании техники и технологических знаний, не научными открытиями, не появлением новых идей и уж тем более не формациями, а именно судьбами цивилизаций. Более крупных единиц измерения до настоящего момента не было предусмотрено.

Внутри любой цивилизации существует невидимое нематериальное ядро, которое для удобства можно назвать *сверхценностью*. Это набор ключевых истин, которых придерживается социум. С течением времени эти истины могут раскрываться с той или другой стороны, могут становиться яснее некоторые их аспекты, — но только для внешнего наблюдателя. Для самого социума сверхценность мыслится в категориях полной статичности, абсолютной неподвижности.

Освальд Шпенглер писал о наличии у цивилизации «души»; красиво и точно сказано! В частности, он говорил: «Культура (в этом месте Шпенглер имеет в виду отдельную, самостоятельную цивилизацию) рождается в тот миг, когда из прадушевного состояния вечно-младенческого человечества пробуждается и отслаивается великая душа, некий лик из пучины безликого, нечто ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего... Культура умирает, когда эта душа осуществила уже полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук и таким образом снова возвратилась в прадушевную стихию. Но ее исполненное жизни существование, целая череда великих эпох, в строгих контурах очерчивающих поступательное самоосуществление, представляет собою сокровенную, страстную борьбу за утверждение идеи против сил хаоса, давящих извне, против бессознательного, распирающего изнутри, куда силы эти злобно стянулись» (Шпенглер, 1993: 264).

Сверхценность либо имеет чисто религиозный характер, либо весьма сильно связана с религиозной сферой. Сверхценность всегда включает в себя объяснение смысла жизни как для отдельного человека, так и для целого народа, страны, любой социальной общности. Совершенно так же сверхценность содержит в себе и смысл смерти, в том числе представления о загробном мире. Одна из главных особенностей сверхценности: помимо всего прочего, она есть способ примирить разум и небесмертие человека. Сверхценность воспринимается цивилизацией как откровение. Она не может быть углублена, дополнена или модернизирована. В то же время, комментирование и упрощенное изложение возможны. Таким образом, сверхценность неизменна и неизменяема.

Цивилизация — это вовсе не раскрытие сверхценности во времени. Это уникальный набор форм, которые принимает социум в своем служении сверхценности. В ста процентах случаев этот набор иерархичен. Цивилизация без иерархии до настоящего времени не существовало. Формы адаптации социума к собственной сверхценности относятся ко всем сферам жизни общества (искусство, политика, быт, взаимодействие с внешним миром, реакция на вызовы со стороны природной среды) и взаимосвязаны.

«Узор», который складывается из названных форм, зависит от «человеческого материала», который воспринял сверхценность и на основе которого она строится, т.е. от суперэтнуса.

Суперэтнос — сумма этносов, воспринявших в одно время одну сверхценность и существующих в рамках одной цивилизации.

Этнос — группа людей, которые приобрели сознание общей самоидентификации под воздействием общей природной среды, общей истории и взаимодействия с внешним миром. Поскольку суперэтнос может быть «мозаичным», т.е. состоять из множества этносов или групп этносов, резко отличающихся друг от друга по культуре, быту, географическим условиям проживания. Например, греки и русские в рамках одной Православной цивилизации. Но все этносы, составляющие суперэтнос, служат одной сверхценности. Поэтому и возникают так называемые субцивилизации — мощные этнические целостности, резко отличающиеся друг от друга по целому ряду ключевых параметров, порой объединяющие несколько близко-родственных этносов, однако входящие в состав единого суперэтноса как составные части.

«Мозаичность» суперэтноса широко распространена. Это, скорее, правило, нежели исключение. Подобное положение вещей предполагает колоссальную сложность при строительстве политического дома для цивилизации, иначе говоря, «*государства-цивилизации*». До настоящего времени среди всех возможных «политических сосудов» для мультиэтнических цивилизаций наиболее адекватным и наиболее резистентным к внешним воздействиям, внутренним смутам, а также катастрофическим природным изменениям является Империя. Отсюда распространённость имперского оформления цветущих, политически мощных и творчески состоятельных цивилизаций: Ассирия, Китай, Рим, Византия, Россия, европейское Средневековье.

Традиция — постоянная связь между нематериальной сверхценностью, «управляющей» цивилизацией, и вполне материальным социумом. Традиция предполагает необходимость каждому члену социума так или иначе признать факт служения суперэтноса под эгидой определенной сверхценности. Сила Традиции измеряется прежде всего готовностью осознанно продолжать это служение, творить во имя него, защищать весь социальный механизм, сложившийся под воздействием сверхценности. Иными словами, Традиция — прежде всего способность суперэтноса к осознанному самоограничению и целенаправленному действию; вектор того и другого, разумеется, определяется характером сверхценности.

Традиция — условие *sine qua non* существования цивилизации, т.к. цивилизация, не связанная с нематериальными планами бытия, в принципе нежизнеспособна, как младенец-урод, лишенный головного мозга. А именно таким каналом, связующей нитью, как раз и является Традиция.

Можно констатировать смерть цивилизации в двух случаях: во-первых, когда умирает сверхценность; во-вторых, когда умирает Традиция, и социум перестает служить своей сверхценности. В первом случае на месте цивилизации остается, по меткому выражению Н.Я. Данилевского, «этнографический материал», т.е. неотформатированная этническая масса, социальная глина. Во втором случае остается маркированный «этнографический материал», способный вернуться в состояние цивилизации при восстановлении старой Традиции или в случае создании новой Традиции для служения старой сверхценности.

Следует разграничить Традицию и *традиции*. Ведь традиции — всего лишь совокупность повторяемых на протяжении длительного времени обычаев, навыков, социальных стратегий, персональных тактик выживания. Традиция — условие, позволяющее цивилизации существовать, в то время как традиции — набор аспектов цивилизации, т.е. нечто на порядок менее значимое, хотя и важное. Важное в том смысле, что значительный объем традиций обеспечивает цивилизации хорошую остойчивость. В то же время, традиции — это то, чем в крайних условиях цивилизация может пожертвовать, так же, как путник, попавший в руки к бандитам, жертвует курткой, чтобы вырваться и спастись; если новации необходимы для жизнестойкости цивилизации, если традиции уничтожают необходимый минимум изменчивости и гибкости, от них следует отказываться; но от

Традиции — никогда и от сверхценности — никогда. Нельзя отказаться от мозга или сердца и остаться при этом в живых.

В огромном большинстве случаев человек получает и сверхценность, и Традицию по наследству. От родителей и ближайшей социальной среды еще в детском возрасте он берет цивилизационную идентификацию, иными словами, чувство принадлежности к некоему огромному «мы». В свою очередь вся колоссальная цивилизационная общность воспринимает каждого своего члена именно как «своего» на уровне социального инстинкта. Но широко образованная, склонная к рефлексии личность способна в зрелом возрасте сознательно избрать принадлежность к определенной цивилизации. Или столь же сознательно отказаться от принадлежности какой-либо цивилизации, а значит, от любой цивилизационной идентификации. Как бы то ни было, а обретение цивилизационной идентификации, все равно, в результате ли простого наследования или же осознанного выбора, равнозначно обретению определенной Традиции. А это, в свою очередь, ведет к принятию определенного груза обязательств, т.е. участию в своего рода завете, договоре суперэтнуса с нематериальной сущностью.

Культура представляет собой поле для оформления этого завета на разных уровнях общественного бытия — от повседневной жизни до уровня интеллектуальных и духовных вершин. Цивилизация замыкает культуру в пределах определенного социума, придает ей стиль, морфологию и пространственно-временную завершенность.

Культура формулирует набор персональных жизненных стратегий, используя которые представитель определенной цивилизации может обеспечить себе (своим близким) материальное благосостояние, социализацию и возможности возвышения. Точно так же вырабатывается норма социального «люфта». Иными словами, делается ясным уровень ненаказуемого выхода за пределы системных требований.

Все это так или иначе компенсирует тяжесть Традиции.

Устное народное творчество, литература и искусство эстетизируют сверхценность и все с ней связанное. Представитель определенной цивилизации получает набор предметов гордости — с эстетической точки зрения. «Посмотри — как бы слышит он, — то, чему ты поклоняешься, прекрасно!» Так, человек, принадлежащий Западной, Католической цивилизации может гордиться деяниями Святого Франциска Ассизского или, скажем, собором города Реймса. Совершенно так же, представителя Русской Православной цивилизации поддерживает сознание того, что она породила Святых Сергия Радонежского и Андрея Рублева...

На пике развития цивилизация рождает собственный, не имеющий аналогов эстетический стиль. В мировом историческом процессе цивилизация обретает узнаваемость именно благодаря выработанной ею эстетике. Так, например, эстетика Русской цивилизации выражена прежде всего в храмовых постройках XVI–XVII вв. — от древнейших шатровых церквей и собора Василия Блаженного через нарядное, каменным узорочьем богатое посадское барокко (например, московские храмы Троицы в Никитниках и Рождества Богородицы в Путинках) к церквям в стиле Нарышкинского барокко (например, Троицы в Филях). Этот стиль уходит корнями в творческий опыт средневековых зодчих Псковской, Новгородской и Владимирской Руси, вобрал в себя достижения итальянской архитектуры эпохи Возрождения и немецкой поздней готики, но совершенно самостоятелен и самодостаточен по сути своей. Он делает эстетически узнаваемой Русскую цивилизацию, он также свидетельствует и о ее творческой самостоятельности, и о ее творческих достижениях.

И здесь мы подходим к пониманию того, что такое культурное наследие и какую роль оно играет в обществе.

Культурное наследие это не просто набор старых памятников архитектуры, скульптуры, живописи, литературы, исторических документов, эпических сказаний и

героических песен. Это прежде эталонная часть истории и культуры. Иначе говоря, *культурное наследие в первую очередь — свод эталонов красоты, а также эталонов нравственности, притом как положительных, так и отрицательных. Культурное наследие утверждает понимание того, что прекрасно, что правильно, а что безобразно и неправильно в рамках нашей цивилизации.*

Иначе говоря, это своего рода сборник образцов прекрасного и притч о великих людях, или, иначе, свод всего наиболее яркого в сфере этики и эстетики на протяжении веков.

В то же время, *основная составляющая культурного наследия — «большой национальный миф», содержанием которого становится проявление Сверхценности и Традиции в социуме на протяжении столетий. Миф в данном случае следует понимать как устойчивый образ, который транслируется одновременно всему населению цивилизации: «Вот мы, мы таковы!» — и соседям, как представление о том, как им следует воспринимать цивилизацию-транслятора.*

Представление о том, что культурное наследие — на века и тысячелетия, что оно чуть ли не до окончания времен будет сохранять своё значение и свою ценность, наивно. Культурное наследие ни в коем случае не следует представлять в качестве чего-то статичного, застывшего в своей основе и лишь время от времени пополняющегося новыми памятниками. Конечно, экспедиции археологов, археографов и фольклористов постоянно добавляют в его «копилку» очередные находки. Кроме того, народ постоянно творит, и то из его величайших творений, что становится частью недавней, но все-таки уже старины, постепенно обретает роль признанного элемента культурного наследия. Но оно совершенно не обязательно при этом расширяется количественно или хотя бы сохраняется в основе своей.

Важнейшая особенность культурного наследия состоит в том, что оно *изменчиво*. У культурного наследия множество определений, однако фактор изменчивости учитывается в них редко. Так, например, в наши дни чаще всего, говоря о том, что представляет собой культурное наследие, цитируют статью из словаря «Культура и культурология» под редакцией А.И. Кравченко: «Культурное наследие — это часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, выдержавшая испытание временем и передающаяся следующим поколениям как нечто ценное и почитаемое» (Культура и культурология, 2003: 300—301). Но кто и как определяет, что именно выдержало «проверку временем», а что нет?

Российский федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» вводит несколько иное определение: «Культурное наследие — совокупность унаследованных человечеством от предыдущих поколений объектов, представляющих историческую и культурную ценность» (Об объектах культурного наследия: Эл. ресурс). Важно понимать, что представления о том, какие компоненты истории и культуры ценны, не может быть постоянным.

Относительно отдельных памятников, ставших частицей культурного наследия, нередко говорят: «Необходимо восстановить ландшафт, в котором строился памятник... необходимо вернуть ему первоначальный облик... Необходимо реконструировать исторический контекст, в котором он создавался... Да хорошо бы видеть и культурный контекст его возникновения: стилистические влияния, школы, мировидение, сцепку “народной” и “высокой” культуры — всё, что могло так или иначе войти в его декор, композицию, технологии изготовления». Это значит: на любой памятник, вошедший в культурное наследие, как его видит наш день, повлияли обстоятельства того времени, когда он создавался, а также прошлое, как его понимали творцы памятника. И, конечно, понять смысл памятника во всей его полноте и многогранности без этих влияний невозможно.

Например, Успенский собор Кремля: построен итальянцем Аристотелем Фиораванти по приказу великого князя московского Ивана III, в традициях владимирской старины, на которую, в свою очередь, повлияли византийские каноны зодчества. Если упустить хотя бы один элемент «контекста», архитектурные особенности Успенского собора не «расшифруются» в полной мере.

Но совершенно так же и на восприятие отдельного памятника, и на состав культурного наследия в целом мощно влияет современность.

Конечно, из нашего сегодня невозможно проникнуть в прошлое и как-либо изменить памятник культуры. Оно уже таков, каков есть.

Зато взгляд на него из нашего здесь-и-сейчас *непостоянен*. Наш взгляд изменяется от десятилетия к десятилетию, от поколения к поколению, поскольку изменяются требования социума к собственному прошлому, собственной культуре, собственным эталонам в сфере этики и эстетики. Каждому поколению представляется, что оно незыблемо утвердило свой идеал, и он он-то, по причине своей истинности, сохранится на будущее. Но каждое новое поколение идеал предыдущего разрушает или хотя бы изрядно колеблет, сокращая его, дописывая, изменяя корневые его смыслы. В сущности, происходит постоянная ротация набора требований к эталонам, значит, и набор эталонов становится текучим, никогда не застывающим раз навсегда.

Отсюда и проистекает изменчивость культурного наследия. Оно «дышит», то расширяясь, то сужаясь, а то вдруг происходит спазм резких трансформаций, словно на легких делают операцию или меняют сам воздух, которым дышит общество.

Так, в допетровское время политическая и интеллектуальная элиты отчетливо воспринимали Московское царство как наследника Константинопольской империи, иначе говоря, видели в Третьем Риме преемника Рима Второго — со всем багажом культуры, который там накоплен. Собор святой Софии в Константинополе считался в такой же степени «своим», «родным» как Димитриевский собор во Владимире или Благовещенский в Московском кремле.

А в докарамзинскую эпоху Петербургской империи очень значительная часть образованного слоя воспринимала культурное наследие Европы (включая античность) как истинное культурное наследие России. Что же касается самой России, то значимое наследие собственно-русское начиналось для образованной публики времен Екатерины II, Павла I и первых лет царствования Александра I строго с Петровских преобразований. У Европы есть Карл Великий, крестовые походы, Данте, Петрарка, Торквато Тассо, Макиавелли, Ариосто, Леонардо, Реформация и просвещение, а у России есть Петр I и, по большому счету, больше ничего нет. Иначе говоря, в глазах образованного общества Россия как держава обрела смысл существования, лишь сделавшись частью Европы и, следовательно, древность киевская, владимирская, московская а также, разумеется, византийская, совершенно не важна. «Это всё было варварство, это всё бессмысленная суэта», — мог бы сказать просвещенный вельможа году, скажем, в 1790 или 1805 г. Ну а те же крестовые походы, Данте и Леонардо принадлежат России полноправно — постольку, поскольку она часть Европы.

Скажем, средневековый русский эпос или средневековая русская живопись для огромной части «просвещенного класса» утратили значение ценности, фактически превратились в хлам.

Но на протяжении XIX века и начала XX ситуация изменилась. Усилиями славянофилов, историков и знатоков искусства с православным мировидением (в первую очередь Н.М. Карамзина), патриотически настроенных купцов-меценатов, властей, когда они хотели подчеркнуть свои русские корни, история и культура России, включая отрезок до Петра Великого, стали восприниматься совершенно иначе. А именно, как значимая, имеющая самостоятельный смысл составляющая культурного наследия Большой

Европы. Затем они превратились, усилиями консервативных мыслителей, в нечто противостоящее Европе и, значит, имеющее смысл без неё, сами по себе. Монумент «Минин и Пожарский» на Красной площади в Москве (1818) уже показателен: в традициях древнеримской скульптуры изображены два русских героя. Форма «высказывания» скульптора еще античная, европейская, а суть — уже русская. Памятник «Тысячелетие России», воздвигнутый в Новгороде Великом (1862) — это апофеоз Русской цивилизации, абсолютно самостоятельной и стоящей на трех китах: Православии. Самодержавии, русском народе. Этот памятник — образец того «общественного заказа» на новое культурное наследие, который сложился у нас в стране к середине XIX века.

Эпоха Александра III заново открыла русский и византийский стили, сделались модными, интеллектуально привлекательными собрания русской старины и русского искусства, полным ходом шло «освоение» красот средневековой русской литературы. Появились Русский музей, Третьяковская галерея, Исторический музей имени Александра III (нынешний Государственный исторический музей), абрамцевский храм в стиле русского Средневековья, составились поистине великие собрания икон. Между тем, всего лишь за век до того образованный человек увидел бы в древних иконах просто отсутствие искусства, в событиях Великой Смуты — скучное шевеление варварских вождей, а в летописной истории Рюрика, Святослава, Ольги — никому не нужный интеллектуальный мусор.

Таким образом, задолго до 1917 г. представления социума о «правильном» для России культурном наследии дважды претерпели кардинальные изменения.

Сам 1917-й стал тем самым «спазмом», когда и «операция на легких» была проведена, воздух культуры изменился.

Вплоть до середины 1930-х гг. идеология «пролетарского интернационализма» приговорила к уничтожению или, как минимум, к небрежению, великое множество старинных, допетровской эпохи, храмов, привела к состоянию почти полного забвения русскую историю до XVIII века, чуть ли не до Пугачева, поставила в униженное состояние собственно русский элемент культуры. Характерна судьба храма Христа Спасителя, взорванного в 1931 г. ради осуществления призрачного строительного проекта, так и не реализованного. И даже классическая русская литература оказалась в состоянии ветоши, приготовленной к выбрасыванию с «парохода современности». Всему этому на замену пришли план «монументальной пропаганды» с его памятниками пламенным революционерам, террористам-душегубам и «вождям победившего пролетариата»; раздача старинным русским улицам новых «революционных» имен; пароксизмы борьбы в истории и философии со всем, что не марксизм и не революционное движение.

В сущности, произошло тотальное переформатирование требований к культурному наследию. Это значит: вычеркивание очень значительной его части, в смысле и высоком назначении которой до 1917 г. не было сомнений, а также вытеснение «старинны» на второй план, можно сказать, в подвальные этажи культурного наследия.

Однако и советское время, с 1917-го по 1991 г., не представляет собой единства — ни политического, ни культурного, ни идеологического.

Вторая половина 1930-х гг. ознаменовала новое переформатирование, не столь радикальное, как первое, но масштабное. Идеология «пролетарского интернационализма» сменилась идеологией «советского патриотизма». В течение 20 лет советский патриотизм, постепенно развиваясь, открыл дверку для частичного возвращения того формата культурного наследия, который существовал до советской власти. Грозное дыхание войны, затем трудный путь через ее раскаленные воды и опасение новой большой войны сделали необходимыми «мобилизацию» населения, в первую очередь, самого многочисленного народа СССР, русских. А мобилизация под лозунгами «диктатуры пролетариата», «господства марксистского мировоззрения», «всемерного

интернационализма» и стремления к «мировой революции» не вызывала необходимого энтузиазма. Советской власти пришлось перейти сначала к позициям защиты государства, патриотизма, а затем — к похвале русской культуре, драгоценным свойствам русского народа и даже частичному признанию пользы от православия и Русской церкви, которые еще в середине 1930-х приговаривались к выкорчевыванию до самых корней.

Русскую старину в истории, литературе, искусстве, культуре в целом провели через процедуру «распарывания», «отсеивания лишнего» и «разрешения полезного». Так, например, мозаичные панно на станции Московского метрополитена «Комсомольская» (кольцевая линия, 1952 г.) очень показательны: победы русского оружия — это разрешено и полезно; следовательно, и героев-полководцев тоже позволительно прославлять. Ледовое побоище, Куликово поле, освобождение Москвы в 1612 г. земским ополчением, победы Суворова и Кутузова — всё это хорошо и правильно. Мозаичные панно, посвященные этим победам, продолжены еще двумя, относящимися к советской эпохе: революция с гражданской войной и парад Победы в Великой Отечественной. Изначально, кстати, вместо Ленина, призывавшего к мобилизации бойцов на гражданскую войну, на потолке размещалось панно с изображением Сталина, вручающего «гвардейское знамя», однако Сталина признали недостойным места в культурном наследии и заменили на Ленина очень быстро... Таким образом, выстраивается общий ряд событий, притом революция подается не как простой слом старого порядка, не как завершение одной эры и начало другой, принципиально иной, но как воля народа, продолжающего свою историю новым способом.

Советский патриотизм «разрешил» Пушкина, а потом большую часть русской классики в целом, он даже Крещение Руси признал «прогрессивным на тот исторический момент». Бунтарей, революционеров, марксистов, «вождей пролетариата» и террористов по-прежнему славил, конечно. Но к ним добавили также героев Великой Отечественной, великих ученых (в том числе дореволюционных, например, Менделеева), инженеров, космонавтов, летчиков-испытателей.

Кое-что, впрочем, оставалось под спудом — как по-прежнему «вредное». Так, например, монашество трактуется как «черное воинство», средоточие архаики и консерватизма, т.е. о нем не следует говорить ничего доброго. Да и в целом большие русские святые должны оставаться на «табуированной территории», -- все, включая Сергия Радонежского. Конечно, Александр Невский тоже святой, но говорят и пишут о нем как о государственном деятеле и полководце, никоим образом не как о святом. Эта часть его личности и судьбы аккуратно «отрезана» за ненадобностью а потом сдана в запасник истории, подальше от широкой аудитории. Знаменитый фильм Эйзенштейна «Александр Невский» (1938) построен именно в таком ключе. И «царизм», разумеется, тоже — «проклятое прошлое», о самодержцах вообще не следует много распространяться, а если обсуждать их жизнь и труды, то в негативном ключе. Позволены похвалы исключительно в адрес Ивана Грозного и Петра I, поскольку оба этих государя считались «прогрессивными», к тому же они беспощадно расправлялись с изменниками, казня их массово, что в 1930-х — первой половине 1950-х воспринималось как безусловное благо. Творчество расстрелянного в 1921 г. Н.С. Гумилёва продолжало оставаться под темными водами запрета. А вот Н.В. Гоголь оказался почти весь «разрешен» — помимо наполненного христианскими мотивами эпистолярного трактата «Выбранные места из переписки с друзьями».

Между серединой 1950-х и началом 1990-х гг. советская культура не была единой, монолитной, соответственно, и «заказ» на культурное наследие получался сложным, состоящим из разнородных элементов. Во-первых, никуда не делся «революционный романтизм», идеализация декабристов, «комиссаров в пыльных шлемах», мудрых и отважных чекистов, революционеров-подпольщиков. Во-вторых, «русская партия» постоянно

напоминала: необходимо сохранять православные храмы — как «памятники народного творчества», ценить русскую старину и героев былых времен, например, Отечественной войны 1812 г. или земских ополченцев Минина и Пожарского. В 1980 г. с размахом отмечалось 500-летие битвы на Куликовом поле, а в 1988 г. — тысячелетие Крещения Руси, и социалистическое государство сделало тогда ряд важных уступок Церкви. В-третьих, постепенно росло и окрылялось «советское западничество», а оно требовало внимания к прогрессу, реформам, «культурным связям» с Западной Европой и нового прославления Петра I как великого «цивилизатора» России, боровшегося с «отсталостью».

Все разом сходились только на том, что Победа в Великой Отечественной войне — неоспоримая ценность, и всё, с нею связанное должно занимать важнейшее место в культурном наследии.

Взглянем на то культурное наследие, которое хранил СССР в последние годы своего существования. Оно пестро как восточный ковер!

Прогресс, храмы, чекисты с комиссарами, которые эти храмы рушили, Куликово поле, террористы, Крещение Руси, гнилость царизма, но рядом с нею в полный рост великий царь Петр I, святой Владимир по соседству с Владимиром Ильичом Лениным и великая Победа 1945 года выше всего прочего.

Невероятный салат, отражавший нестабильное состояние и советского общества, и советской культуры.

Со времен распада СССР и кончины социализма прошло более трех десятилетий. С тех пор общество российское прошло через увлечение либерализмом и западничеством (в 1990-х этот «лагерь» преобладал и в политике, и в культуре), затем через новое поклонение советской старине и, в частности, фигуре Сталина, потом встало на рельсы державного патриотизма, с особенной силой заговорило об успехах русского оружия во все времена — от Святослава до Жукова с Рокоссовским. Ничто из этого не овладевало умами прочно. Всё проносилось по массовому сознанию как очередная мода, как веяние.

Единственное, что нарастало и нарастает год от года, — это православная составляющая российской истории и культуры.

Со второй половины 1980-х медленно, но верно идет повсеместная реставрация православных храмов. А там, где они были уничтожены, — их реконструкция, как это произошло, например, с тем же храмом Христа Спасителя. Без особенных дискуссий признана положительная роль монастырей как величайших культурных и экономических центров Руси. Еще в 1980-х гг. средневековые монастыри официально признавались оплотами отсталости и «духовного дурмана», а сейчас это уже твердины утонченной культуры и прогрессивного хозяйствования. Большие святые русской церкви шагнули из небытия в школьные учебники. Им ставятся памятники, их судьбы изучаются историками и культурологами, и всё чаще оборачиваются темой новых романов, фильмов, статей.

История Русской церкви стала предметом преподавания в ведущих российских вузах. Притом этот предмет тянет за собой целую «гроздь» специальных и вспомогательных дисциплин: «Средневековый русский календарь», «Символика и эмблематика христианства», «Мир средневекового русского книжника».

Более того, культурное наследие — в современном понимании — весьма быстро пополняется книгами, фильмами, монументами и музейными экспозициями, которые основаны на судьбах новомучеников и исповедников, просиявших в России XX века и страдавших за веру от властей, проповедуя Христа.

Но в целом сегодняшний (на начало 2020-х) заказ российского социума на культурное наследие недалеко ушел от позднего СССР. Отчетливо видна та же разнородность, почти что всеядность. Иначе говоря, тот же «салат», хотя и с некоторыми

улучшениями. Можно лишь надеяться, что добрые и здоровые тенденции, в частности, утверждение христианской почвы, возобладают.

Некоторые основания для таких надежд есть. Во всяком случае, слабее стала тяга к сохранению и популяризации имен разного рода террористов дореволюционной поры, марксистов и декабристов. Возникло обширное движение за возврат улиц, проспектам, площадям их исторических названий — вместо присвоенных им имен, скажем, Каляева, Войкова, Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Сакко и Ванцетти, Баумана, Тельмана, Ленина и Урицкого. Левое, революционное мировидение не исчезло в России, но понемногу слабеет.

***

Вывод: «заказ» социума на тот или иной состав культурного наследия, которое в итоге надо будет по закону охранять, а в соответствии с политическим курсом комментировать, популяризировать, вставлять в учебники и «продвигать» в художественных произведениях, в очень большой степени изменчив, пластичен.

Он зависит от «возраста» цивилизации, от того, едина ли она или в сердцевине своей расколота на духовные «лагеря», подвержена ли внешним влияниям, и если да, то до какой степени, а также от того, способна ли политическая элита выстраивать последовательный, ясный, прямой курс в этой сфере.

Когда о культурном наследии говорят: «Это вечные ценности», — или хотя бы: «Это ценности, проверенные временем», — совершается серьезная ошибка. «Знак качества», поставленный на тех или иных элементах культурного наследия «самим временем», — иллюзия. Всё может перемениться, быть переоценено очень быстро, самые заветные печати, свидетельствующие о качестве или о значимости любой части культурного наследия, могут быть сняты.

Подобная изменчивость характерна не только для России. В Китае «культурная революция» обрушилась на духовные устои, обычаи, памятники, имевшие «выдержку» многовековую, а то и измеряемую тысячелетиями.

Современная политизированность Западной Европы и США имеет столь высокий градус, что произведение классической литературы, кинематографа, памятник архитектуры, скульптуры, да любого вида искусства может попасть в раздел «вредное» или даже «табуированное». Например, памятники выдающимся конфедератам в Америке или, скажем, роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» а также в еще большей степени, его классическая экранизация с Вивьен Ли в главной роли. Киностудия, убирая кинокартину из свободного доступа, заявила: «Картина — продукт своего времени и изображает некоторые из этнических и расовых предрассудков, которые, к сожалению, были распространены в американском обществе... Подобные расистские моменты были ошибочными тогда, они ошибочны сегодня, и мы подумали, что показ этого фильма без объяснения и осуждения этих моментов безответственен».

Изменчивость для культурного наследия в целом нормальное дело, но после определенного предела она становится губительной для цивилизации. Хотелось бы подчеркнуть: вредна именно чрезмерная изменчивость, а не изменчивость сама по себе. Более здоровое состояние социума — сплочение вокруг сверхценности, которая определяет главные потребности общества. Чем более сверхценность размыта, чем более цивилизация расколота, тем больше хаотичной пестроты, тем больше попыток, «скрестить ужа с ежом», то есть собрать воедино всё на свете, соединить несоединимое. И, с одной стороны, этот хаос отражает нестабильность, разнородность социума, а с другой — безбрежная пестрота культуры, неограниченный отбор в культурное наследие всего и вся сами по себе становятся факторами дальнейшей дестабилизации общества.

Всё на свете это — ничего самостоятельного.

Россия — государство-цивилизация, расколотое с XVIII в., т.е. очень давно. В период революции 1917 г. старая Русская цивилизация оказалась разрушена и ушла в небытие. Советская цивилизация не успела состояться, но на руинах цивилизации прежней, императорской, сохранилась старая сверхценность — православие. И наши дни на просторах России, по-прежнему расколотой цивилизации, очень медленно, очень неровно идет процесс формирования новой Традиции вокруг старой сверхценности — православия. Именно таким путем постепенно становится на ноги и переходит от младенчества к детским годам новая, можно сказать, новорожденная Русская цивилизация. Это происходит на наших глазах и при нашем участии. И самый естественный маршрут для ее «взросления» — это сплочение вокруг православия, простраивание культуры снизу доверху под его этику и эстетику, формирование в людях способности служить ему, работать во имя него, сражаться на войне во имя него. Понадобятся ли российскому социуму в случае, если этот естественный путь возобладает, Каляев с Урицким и Халтурин с Либкнехтом? Или, скажем, концепция Петра-цивилизатора варварской России? Вот уж вряд ли...

Огромная Россия выросла вокруг средневековой Северной Руси. И культура Руси оказалась достаточно богата, чтобы из ее врат вышла великая культура Российской империи, и чтобы наш народ донныне чувствовал всю мощь «культурного слоя» древней почвы духовной. Героические песни и эпические сказания Древней Руси, Андрей Рублев и Дионисий, зодчество средневековых умельцев от святой Софии Новгородской до Тобольского кремля пронизаны христианской составляющей. Эта составляющая не исчезла в классической русской литературе XIX–XX вв., прославившей нашу страну по всему миру. И если «заказ» культурного наследия станет в дальнейшем происходить по преимуществу на ее основе, то Россия всегда и неизменно будет иметь богатейший набор ценностей, созданных на национальной основе и предназначенных для сохранения на будущее.

Подобный путь развития вовсе не предполагает невнимания к культурам народов России, не входящих в ареал христианства, или же их «поражения в правах». И не предполагает он исключения из культурного наследия всего того, что никак не соответствует православному идеалу, но давным-давно превратилось в «культурный багаж» образованного человека: античной культуры, мировой истории, классической философии и литературы Западной Европы. Всё это должно сохраняться в рамках культурного наследия Русской цивилизации на правах «дополнения». Иначе говоря, набора элементов, которые не занимают центрального положения, но сохраняются в силу социальных гарантий по отношению к не-христианским народам или же в силу органичного требования всесторонности в образовании.

Но в центре всего должна пребывать сверхценность, а она для России — православие.

БИБЛИОГРАФИЯ

Володихин Д.М., Алексеев С.В., Бенедиктов К.С., Иртенина Н.В. Традиция и русская цивилизация. М., 2006. 284 с. (Серия «Philosophy»).

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. 574 с.

Культура и культурология: Словарь / Ред.-сост. А.И. Кравченко. Екатеринбург; М., 2003. 928 с.

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (с изменениями и дополнениями / СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. <https://base.garant.ru/12127232/> (дата обращения 10.05.2022 г.).

Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. Т. 1. 656 с.

ГРЕКО-ВИЗАНТИЙСКОЕ И СЛАВЯНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Новая цивилизация крайне редко рождается в изоляции от других. Собственно, в Старом Свете такое можно сказать только о древнейших цивилизациях Ближнего и Дальнего Востока. Гораздо чаще, при наличии внутренних факторов преобразования культуры, цивилизация всё-таки «переносится» извне, со стороны уже существующей.

Внешние факторы и воздействия сами по себе не являются чем-то нетипичным, тем более свидетельством «отсталости». Их значимость универсальна с момента появления первых цивилизаций. И цивилизация, и государственность в большинстве случаев — явления «вынужденные». Культурные и политические формы «сложного общества» заимствуются у «развитых» соседей как правило, а не в виде исключения. Так было у всех до единого народов Европы, начиная с древних эллинов, воспринявших импульсы — и давление — с Ближнего Востока. То, что цивилизация италиков и далее римлян, — «дочерняя» по отношению к древнегреческой, — из числа азбучных истин. Так же было, вполне закономерно, и у славян, для которых «материнской» явилась уже средневековая греческая, византийская цивилизация.

При этом становление цивилизации Православной Славии документировано гораздо лучше, чем рождение цивилизаций античного мира. Центральные фигуры здесь, конечно, — святые Кирилл и Мефодий, творцы славянской письменности и создатели славянской литературы. Цивилизация восточных и южных славян — единственная из европейских христианская в самой своей основе. Ее основополагающий текст — Славянская Библия, и это ясно сознавалось на протяжении всего Средневековья и раннего Нового времени. Стоит вспомнить, что латинское образование того времени начиналось не с Вульгаты, а с Вергилия. В самой Византии наравне с Библией штудировали Гомера. Но для образованных славян высокая культура началась и начиналась в каждом новом поколении с христианства.

Соответственно, практически все основные формы культуры были восприняты славянским православным миром из Византии. Особенность Руси заключалась в том, что восприятие шло не только напрямую, но и через посредство уже воспринявших ромейское наследие южных славян. С православных Балкан пришли, чтобы получить уже в дальнейшем самостоятельное развитие, храмовое зодчество и иконопись. Более того, первыми творцами в этих сферах искусства зачастую оказывались мастера из Византии или представители южнославянских народов.

Ярче всего преемственность проявилась, пожалуй, в области литературы. Жанровый состав церковнославянской и древнерусской словесности раннего Средневековья в основном имеет точные соответствия в словесности византийской. Письменное слово на начальном этапе развития славянской книжности воспринималось как должное быть исключительно христианским. В силу этого, в первую очередь, проявлялась крайняя степень «экономности» в использовании этнической устной традиции и воспроизводстве ее жанров. Так, первые памятники литературного эпоса появились, видимо, не раньше, чем была переведена (правда, в прозе) греческая эпическая поэма «Дигенис Акрит». Во всяком случае, недаром единственный список «Слова о полку Игореве» входил в тот же утраченный сборник, который содержал старейший известный список «Девгениева деяния». Курьезно, но даже древнейшие сохранившиеся славянские заговоры представляют собой «апокрифические молитвы», частично восходящие к христианизированным античным прообразам.

Греко-византийским наследием определялась картина истории, сложившаяся у образованного слоя Руси. В основе ее, конечно, лежала Священная история, представление о которой восходило к Писанию или апокрифическим текстам. Но по окончании библейской эпохи в центре исторического процесса оказывалась уже Византия, а затем «эстафета» переходила собственно к русской истории. С другой стороны, для древнейших времен Священная история дополнялась как ближневосточной, так и античной — греко-римской. В этой картине находилось место и эвгемерической трактовке античных мифов. Хорошее знание античной истории и мифологии древнерусскими книжниками контрастирует с весьма ограниченным интересом к славянским мифам. Обращение к этнической дохристианской религии и мифологии ограничивалось узкими задачами. Они затрагивались либо как объект поучений против язычества, либо как неизбежный компонент преданий о происхождении государства и правящей династии. Характерно, что и в этих случаях книжники нередко отталкивались от античных и библейских параллелей.

Такая картина история задавалась переводными хрониками, появившимися в славянском мире уже в раннее средневековье. В хрониках Иоанна Малалы, Георгия Синкелла, Георгия Амартола, Симеона Логофета описывалась библейская и античная история. В последних двух она продолжалась историей Византии до начальных веков Руси. «Летописец вкратце» патриарха Никифора, относящийся к греко-византийской традиции царских каталогов, был продолжен именами как последующих императоров, так и русских князей.

Стоит отметить, что бытовали на Руси и собственно античные исторические произведения. Прежде всего, это пользовавшаяся популярностью во всем средневековом мире, включая Православную Слaviю, «Александрия». В число же первых переведенных собственно на Руси греческих сочинений попала «Иудейская война» Иосифа Флавия. Последнее было обусловлено ее тематикой, непосредственно связанной с новозаветными событиями.

Русское летописание структурно имеет больше черт сходства с западноевропейскими анналами, чем с византийскими хрониками. Однако источник этой почти единственной на Руси формы историописания скорее всё же греческий. Упомянутая выше хроника Георгия Синкелла, — видимо, одна из первых попавших на Русь, — построена по хронологическому принципу. Ее продолжает «Хронография» Феофана Исповедника — одна из немногих византийских погодных хроник с датами от Сотворения мира. Она выглядит как точный прообраз ранних русских летописей, и начало «Хронографии» вошло в славянский перевод хроники Синкелла. Создатель русского Начального свода мог быть знаком и с греческим оригиналом «Хронографии». Кроме того, переведенная в Болгарии и весьма популярная у русских книжников «Хроника» Иоанна Малалы к концу также принимает погодный характер.

При всем том, с первых шагов развития новой славянской культуры не могло не происходить взаимодействие привнесенного с этническим. Формы высокой культуры заимствовались, но говорила она в прямом и переносном смысле на родном языке своих новых носителей. Цивилизация Православной Славии не являлась просто локальным ответвлением византийской. Именно в слиянии универсального и этнического рождается любая новая цивилизация.

Ярким проявлением этого являлось взаимодействие письменного и устного в древнейшей славянской и конкретно русской словесности. Из устных преданий черпалась информация о древнейших временах этнической истории. В летописании выделяются поэтические фрагменты, явно восходящие к ранней эпической традиции. В литературу проникают пословицы, поговорки, загадки, встречаются следы сказочных сюжетов. Чем дальше, тем более интенсивным становился этот процесс восприятия из устного наследия приемлемого для христианской книжности.

И в то же время взаимодействие являлось именно взаимодействием — никогда не односторонним явлением. С первых десятилетий истории славянской книжности религиозные и литературные образы начинают проникать в устную традицию, усваиваться ею. Со временем такое обратное воздействие увеличивается. Без него невозможно представить возникновение и развитие такого устного жанра, как духовный стих. Иногда это ставит трудноразрешимые научные проблемы: например, апокриф «Повесть града Иерусалима» может быть и источником духовного стиха «Голубиная книга», и его первой литературной обработкой. Проблему непрерывного взаимодействия устного с письменным и письменного с устным необходимо учитывать при оценке предположительно устных элементов в литературе.

Чрезвычайно интересное явление — восприятие славянским миром византийских политических форм. Для самой Византии, ввиду античного греко-римского наследия, самодержавная монархия являлась реально существующей, но не исключительно возможной формой правления. Память о полисной и республиканской системе была затенена историей эллинистических царств и Римской Империи, но сохранялась. Изредка она могла и проявляться в тех или иных политических движениях. Однако и для Болгарии, и для Руси, и для Сербии с самого начала Византия служила образцом устроенного государственного порядка. Идея о равенстве государственности и самодержавия идеально выражается самым русским словом «государство» с его прозрачным происхождением от «государь». Иной идеи государства, кроме самодержавной, южно-восточнославянское Средневековье не знало.

Другое дело, что для адекватного воплощения идеи в реальной политической жизни у ранних государств не было никаких возможностей. Этому препятствовали и династическое родовое право, и догосударственные по происхождению институты самоуправления — то и другое остатки племенной эпохи. Именно на древние вечевые традиции, а не на малоизвестные и малопонятные даже образованным людям прецеденты античности, опирались «республики» Руси удельного периода. В этом было их кардинальное отличие от западноевропейских средневековых республик, политическая практика которых включала сознательные апелляции к античному наследию.

По окончании же удельной эпохи для реального воплощения самодержавной идеи, наконец, настало подходящее время. И недаром именно в это время, в XV — начале XVI в. формулируются две идеи, обозначающие собой соединение в России славянской и византийской политической традиции. Первой стала знаменитая концепция Москвы как Третьего Рима, определявшая ее в качестве прямой преемницы прежних христианских империй. Второй — принесенная беженцами с Балкан и отраженная в Русском Хронографе концепция славянского «Троецарствия». Согласно ей, Бог по своей милости не ограничил православных одним царством, но разделил его между греками и славянами в лице Болгарии, Сербии и России. Когда прежние царства, по грехам своим, пали под ударами османов, Россия осталась их единственной наследницей.

Конечно, славяно-русская цивилизация не развивалась в изоляции от внешнего мира и за пределами Византии. Неплохо изучены западноевропейские влияния на южнославянское и древнерусское искусство. Переводы с латыни берут начало со времен святых Кирилла и Мефодия. К позднему средневековью к ним, сначала на Балканах, а затем и на Руси, добавились переводы литературных произведений с других западных языков. При этом особый интерес вызывали произведения на античные темы, удачно дополнявшие знакомые уже греческие повествования, как «Троянская история». В древнерусскую литературу с самых ранних этапов ее развития вошли и отдельные переводные памятники ближневосточного происхождения.

Однако русскую цивилизацию Средневековья ясно отличала от русского же Нового времени непоколебимое чувство культурной достаточности и религиозного

превосходства в отношении и Запада, и Востока. После униатского кризиса и падения Византии, в XV–XVII вв., это чувство в известной степени распространилось и на современных греков. Здесь можно видеть признак цивилизационного взросления, — но не следует и забывать, что следствием этого стала трагедия Раскола.

Начало XVIII в., независимо от социально-политических или социально-экономических оценок Петровских реформ, в культуре ознаменовалось настоящей революцией, которую трудно оценить иначе чем как катастрофическую. Произошел фактически сознательный отказ большей части элиты от взросления цивилизации с возвратом на стадию ученичества. Причем ученичества у цивилизации хотя «сестринской», но не «материнской», прошедшей долгий путь собственной совершенно обособленной истории на иных основаниях. Вкратце, в течение XVIII в. происходило стирание греко-византийского наследия и полное подчинение славяно-русского компонента культуры воспринимаемым и сменяющимся западным образцам. Примеры достаточно хорошо известны. Можно лишь отметить, что в течение этого времени у образованных русских выработалась привычка смотреть на Византию западными глазами. Из наследия «материнской» культуры воспринималось теперь как «свое» лишь общее с Западом античное, языческое древнегреческое. Еще и в XIX в. встречалась ситуация, когда маститые ученые в России переводили византийские источники, даже труды отцов Церкви, с латинских переводов. В начале XIX в. Н.М. Карамзин сетовал на то, что герои античной истории известны в России лучше, чем русские. Симптоматично, что ни одного персонажа византийской эпохи он при этом не упомянул.

Когда спустя сто лет после первой вестернизации возникший на Западе же «национал-романтизм» принёс, наконец, живой интерес к «корням» и в русскую культуру, связь времен уже была потеряна. Знание о родной культуре и языке черпалось, как много веков назад, из устной традиции, фольклора. Открывавшаяся же заново древнерусская литература у образованной публики вызывала именно и только интерес, постигаемая через ученых посредников. Тем не менее, постепенно этот интерес возрастал, а вторая половина столетия ознаменовалась уже не только углублением исторического самопознания, но и рождением русского «византизма». Крайне медленное, отягощенное уже сопротивлением идейного «западничества» возвращение цивилизации на самостоятельный и естественный путь развития было прервано революцией 1917 г.

За революцией последовала новая, совершенно особая по характеру вестернизация. Теперь устанавливалось господство воспринятых с Запада, но на том историческом отрезке скорее маргинальных для него идей. Столетия истории русской мысли и культуры объявлялись никчемными, заслоняясь скудной выборкой иноземных материалистических и атеистических проявлений. Реакция на этот раз последовала быстрее, она очевидна уже к концу 30-х гг. и ускорилась к концу 60-х. Несбыточность «мировой революции» и объективное политическое противостояние с Западом вынуждало даже власть «дополнять реальность» своей идеологии. Но от господства принесенного с Запада (о чем не позволялось забывать никогда) «единственно верного» учения отказываться при этом не собирались. Как бы то ни было, обращение к отечественной культурной традиции развивалось (включая, кстати, и тонкую пока нить нового «византизма»), всё более массовое, — до тех пор, пока не было перекрыто в 90-е гг. новой волной вестернизации. Поддержанная коммерциализацией и глобализацией культуры, эта волна отнюдь не спадает по сей день. Необходимость возвращения на собственный путь, невозможное без понимания истоков нашей цивилизации, очевидна многим. Это единственно возможный залог взросления цивилизации, откладываемого уже не одно столетие.

СИСТЕМА МИРОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЛЬВА ТИХОМИРОВА

Изучение истории всегда сталкивалось с проблемой формулировки общего взгляда, осмысления человеческой жизни. Концепции, претендующие на историософскую интерпретацию истории человечества крайне разнообразны, от различных цивилизационных теорий (Данилевский, Шпенглер, Тойнби) до формационного подхода (Маркс и Энгельс), от теорий модернизации (Хантингтона) до мир-системного анализа (Броделя и Валлерстайна) и массы других попыток.

Но вся эта борьба классов, смена и столкновения цивилизаций, эволюция экономики и тому подобное во многом напоминает, как пишет Лев Тихомиров, лишь «историю геологии Земли или историю царства растительного и животного», не сильно продвигающее нас к разрешению вопросов смысла этой человеческой деятельности.

Непреодолимый «агностицизм» подобных исследований не способен дать ответ на вопрос, зачем происходят те или иные события. Человечество действительно живет на этом материальном фоне, но наряду с этим фоном существует и совершенно другая сфера человеческой жизни, в которой имеется сознательная воля и сознательные цели, как у человеческой личности, так и у человеческих сообществ.

Эта сознательная сфера отделяет мир человеческий от мира животного и растительного. На самом деле эта внутренняя сфера по преимуществу и составляет главную часть нашей жизни, её суть. А потому в процессе анализа жизненного и исторического процесса невозможно ответить на вопрос «для чего» без религиозного взгляда на историю.

В этом смысле книга Льва Александровича Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» (Тихомиров, 2007) занимает уникальное положение в русской литературе. Впервые человеческая история в полном объеме проанализирована с религиозной точки зрения. Исследование посвящено истории духовной борьбы, повествует не только о прошлых и настоящем периодах этой борьбы, но анализирует человеческую историю и в её конечные эсхатологические времена.

К социальным проблемам, завлекавшим внимание Л.А. Тихомирова еще в эпоху революционную, после глубокого духовного преображения прибавился интерес к метафизическим вопросам, которые, в свою очередь, перестроили всю систему его политических представлений с гуманистической доминанты на теистическую.

После окончания редакторства «Московских ведомостей» (1908–1913) Л.А. Тихомиров поселяется в Сергиевом Посаде и снова возвращается к теоретической работе: пишет свой второй (после «Монархической государственности») капитальный труд — «Религиозно-философские основы истории», состоящий из десяти разделов. Начало работы было положено в 1913 г., завершена же она была уже в разгар революции, в 1918 г.

Книга Льва Тихомирова посвящена сфере «сознания, воли, целей», которые только и показывают философию истории, «начало и конец исторического процесса, сознательные волевые цели его и различные перипетии той духовной борьбы, которая составляет смысл истории человечества».

С одной стороны, исследование Льва Тихомирова — глубоко антимарксистская, альтернативная философия истории, в которой «мировая жизнь есть область великой борьбы, в которой решались и решаются судьбы человечества», где без религиозной идеи, «без какого-либо представления о действии некоторой Высшей сознательной и волящей силы немислимо искать смысла истории». С другой стороны, историческое развитие религиозно-философских идей, о которых говорит Лев Тихомиров, дают христианский надцивилизационный взгляд на историю человечества. Цивилизации в его

системе мировой эволюции несут в своей основе ту или иную религиозную доминанту, так или иначе раскрывая на своей почве господствующую в ней идею.

В своей доктрине Лев Тихомиров выделяет две религиозно-философские идеи, давшие исходные пункты для мировоззрения человечества.

Первая — идея Сверхтварного Бога, создавшего и господствующего над миром. Вторая — идея о вечной самосущной природе, никем не сотворённой. Эти две идеи радикально противоположны друг другу, взаимоисключая одна другую. И их борьба между собой наполняет всю историю человечества.

Эволюция идеи Сверхтварного Создателя имела свои этапы раскрытия в человеческой истории: выработка носителя этой идеи в племени Авраама, получение Моисеем Откровения, рассеяние, появление Откровения Спасителя, всемирная проповедь христианства и Царства Божия.

Далее были неоднократные попытки искажения христианства многочисленными лжеучениями. Новозаветное иудейство быстро замыкается в Талмуде и каббале, меняя идею Царства Божия на национальное Царство Израиля, и вновь рассеивается по всему миру. Появившийся ислам является интерпретацией идеи Сверхтварного Бога, состоящей из смеси иудейства, христианства и древнеарабских сказаний. И вместо Царства Божия ислам поглощается борьбой за мировое господство, построения Царства мусульман на земле.

Дальнейший раскол католический, а затем и реформационный переводят христианство к обороне против возрождающейся неоязыческой мистики и революционного материализма...

Идея самосущной природы, по Льву Тихомирову, так же имеет свою эволюцию в разнообразных религиозно-философских языческих концепциях. Эволюционные потенции язычества в истории проходят череду градаций: многобожие, всебожие, безбожие, человекобожие и сатанобожие. Здесь также возникает масса проектов построения Царства земного в различных человеческих цивилизациях...

Наряду с духовной борьбой двух религиозно-философских идей в мировой истории, приводящих к различным вариантам Царства Божия и Царства земного, Лев Тихомиров выделяет и три высшие силы, которые действуют в человеческой истории.

Первой он «признаёт высшей силой Бога Создателя, Сверхтварную Силу». Сила теистическая или Богочеловеческая.

Вторая, не признавая Бога, «считает наивысшими силами те, которые заключаются в природе и выражаются наиболее полно в человеке, приобретающем значение владыки вселенной, особенно при допущении идеи о происхождении ангелов от человека». Сила гуманистическая или человекобожие.

Третья «считает главной силой то существо, которое в христианстве называют сатаной, павшим высшим ангелом, бывшим и остающимся противником Бога» (Тихомиров, 2007: 575–576). Сила сатанистическая или сатанобожие.

Две религиозно-философские идеи и три мировые силы, с точки зрения Льва Тихомирова, сопутствуют человечеству всю его историю, никогда не смешиваются между собой и являются мировоззренческими базами для формирования человеческих сообществ.

Конструкция Льва Тихомирова хорошо дополняет цивилизационный культурно-исторический концепт Николая Данилевского, как бы сшивая различные цивилизации в единый процесс духовной борьбы человечества. Не отрицая существования цивилизаций как действительных субъектов человеческой истории, но разъясняя их духовную направленность в религиозно-философском смысле.

Теистическая историософия Льва Тихомирова, опирающаяся на христианское Откровение, наиболее аксиологически внятно описывает мировую эволюцию человеческих цивилизаций.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории, М., 2007.

Сведения об авторах и аннотации статей

Аксаньян Карен Эдуардович — кандидат исторических наук, ведущий специалист отдела информационной политики исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

«То сделалось вашим нерадением». Царская армия в боях против Лжедмитрия I. От Рыльска к Кромам

В статье анализируются боевые действия царской армии против Лжедмитрия I в период с конца января по начало марта 1605 года. В предшествующей историографии вслед за многими источниками этому периоду уделялось сравнительно небольшое внимание. Выдвигается предположение о причинах, по которым боевые действия этого периода слабо освещены в источниках. Реконструируется ход осады Рыльска царской армией, и делается вывод о том, что большую роль в отступлении царского войска сыграли слухи о приближении польской армии и проблемы с логистикой и обеспечением войска. Анализ похода царской армии показывает, что разорение Комарицкой волости произошло после отступления от Рыльска.

Ключевые слова: Смута, Рыльск, военная история, Лжедмитрий I, Комарицкая волость.

Перхавко Валерий Борисович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Первые российские описания достопамятностей белорусских земель (середина XVIII–середина XIX в.)

Эпоха Просвещения в России характеризуется ростом интереса к истории и памятникам старины. Он, в частности, выразился в описании исторических достопримечательностей. Эти описания охватили и белорусские земли, вошедшие в состав Российской империи в 1772 и 1793 гг. Они совершались как по государственной линии, так и на основе частной инициативы и носили в основном фиксационный характер. Внимание составителей описаний привлекли, прежде всего, памятные места, связанные с Северной войной и Отечественной войной 1812 г., так называемые Борисовы камни с древнерусскими надписями, старинные курганы, храмы и монастыри.

Ключевые слова: Россия, эпоха Просвещения, Белоруссия, вхождение, исторические достопримечательности, российские описания, фиксация, памятники старины.

Рысин Игорь Михайлович — алтарник Свято-Успенского храма г. Славянска-на-Кубани К вопросу о реальности встречи благоверного князя Дмитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского в канун Куликовской битвы

В статье рассматривается вопрос о том, действительно ли преподобный Сергей Радонежский благословил великого князя Дмитрия Донского перед битвой на Куликовом поле. Путем сравнения Жития преподобного Сергия Радонежского и нескольких редакций Сказания о Мамаевом побоище доказывается ошибочность позиции ученых М.Н. Тихомирова и В.А. Кучкина, отрицавших реальность благословения. Предлагается новое объяснение словам Жития преподобного Сергия Радонежского о создании Успенского Стромынского монастыря на Дубенке после победы в Куликовской битве.

Ключевые слова: преподобный Сергей Радонежский, битва на Куликовом поле, великий князь Дмитрий Донской, Житие преподобного Сергия Радонежского, Сказание о Мамаевом побоище, М.Н. Тихомиров, В.А. Кучкин.

Белов Никита Васильевич — магистрант филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Князь Петр Михайлович Щенятев — воевода Свияжска (1559–1560). К вопросу о служебном статусе Свияжской крепости в третьей четверти XVI века

В статье рассматриваются обстоятельства воеводской службы князя П.М. Щенятева в поволжской крепости Свияжск (1559–1560 гг.). Выявляется возможная связь Петра Щенятева с ранней историей Свияжска (участие в основании крепости, ее посещение во время Казанского похода 1552 г.). Уточняется период воеводства князя Петра в Свияжске, анализируются произошедшие за это время перемены в жизни крепости. Особое внимание уделено выяснению служебного статуса Свияжска в доопричный период (1551–1565 гг.). Делается вывод о том, что социальный состав свияжских воевод в это время был весьма аристократичен и по уровню знатности ненамного уступал составу военной администрации Казани. Служба П.М. Щенятева в Свияжске оценивается как соответствующая прежнему уровню его полковых и городских воеводских назначений и не являющаяся признаком временной опалы. Отмечаются контакты Петра Щенятева со Свияжским Успенским монастырем и его настоятелем Германом (Садыревым Полевым), высказывается предположение об опосредованной связи их демонстративных выступлений против царской политики опричнины. В конце статьи приводится хронологический перечень событий жизни П.М. Щенятева, относящихся к истории г. Свияжска.

Ключевые слова: военно-служилая аристократия, воеводы, князя Щенятевы, князя Булгаковы, Герман Казанский, Иван IV Грозный, Казанский край, Свияжск, опричнина.

Всероссийская научная конференция «Культурное наследие: религиозно-философский аспект»

Володихин Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе Московского государственного университета технологий и управления (Первого Казачьего университета) им. К.Г. Разумовского, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, лауреат Премии Президента РФ в области образования, лауреат Макариевской премии.

Познавательная категория «культурное наследие» с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу

Текст представляет собой рассуждение о смысле гносеологической категории «культурное наследие» с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу. Показано соотношение таких категорий познаний, как цивилизация, Традиция, культура, сверхценность и культурное наследие. Особое внимание уделено недооценке в современной научной литературе вопроса такого свойства культурного наследия, как изменчивость. Состав культурного наследия формируется заново всякий раз после того, как изменяется социальный «заказ» образованной части общества.

Ключевые слова: Культурное наследие, цивилизационный подход к истории, изменчивость, устойчивость, общество, социальный заказ, история России, русская культура, цивилизация, Традиция, сверхценность, культура.

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, лауреат Макариевской премии.

Греко-византийское и славянское наследие в русской культуре

Статья посвящена истории греко-византийского наследия в русской культуре в его соотношении со славянским. Рассматриваются ранний этап синтеза славянской народной культуры с принесенной из Византии христианской и античной традицией, последствия вестернизации XVIII в. и политических катаклизмов XX столетия.

Ключевые слова: культура, русская культура, Русь, Византия, античное наследие, византийское наследие, цивилизация, традиция, вестернизация.

Смолин Михаил Борисович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры.

Система мировой эволюции Льва Тихомирова

Книга Льва Александровича Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» занимает уникальное положение в русской литературе. Впервые человеческая история в полном объеме проанализирована с религиозной точки зрения. Исследование Тихомирова посвящено истории духовной борьбы, повествует не только о прошлых и настоящем периодах этой борьбы, но анализирует человеческую историю и в её конечные эсхатологические времена.

Ключевые слова: историософия, мировая эволюция, Л.А. Тихомиров.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

Требования к предоставляемым материалам.

Материалы, предлагаемые для публикации в альманахе «Историческое обозрение», просьба присылать в редакцию с использованием электронной почты (сохранение в форматах DOC, DOCX, RTF). Объем статьи не должен превышать 40000 знаков (за исключением случаев, предварительно согласованных с редакцией в персональном порядке). Просьба придерживаться при наборе следующих параметров: поля по 2,5 см, шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине (заголовки по центру), абзац с отступом 1,25 см, автоматический перенос слов, контроль висячей строки. Нумерацию страниц при наборе просьба не проставлять. Ссылки даются в скобках в тексте с указанием фамилии автора или первых слов названия публикации и ее страниц: (Иванов, 1984: 656) или (Исторический сборник, 1967: 341). В конце материала (за исключением эссе и рецензий) должен прилагаться пристатейный список литературы, оформленный согласно ГОСТ. Просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, место работы или обучения, должность (должности), ученую степень и звание.

Порядок публикации

Не позже чем через месяц после представления материала автор будет уведомлен о решении редколлегии альманаха по вопросу публикации. В случае отказа в публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ. Все рукописи рецензируются. Редколлегия в обязательном порядке предоставляет рецензии по запросам авторов рукописей. Соблюдение авторских прав гарантируется. Редакция оставляет за собой право публиковать альманах в сети Интернет, а также предоставлять тексты статей в системы научного цитирования. Публикация бесплатная. Материалы, принятые к публикации в альманахе, не могут быть представлены в другие издания; в противном случае решение о публикации пересматривается. Автору каждой статьи предлагается бесплатный авторский экземпляр альманаха.

e-mail: iporadeta@mail.ru

Главный редактор альманаха: Алексеев Сергей Викторович